

ДЖЕЙМС КОРИ

ГНЕВ ТИАМАТ

**JAMES S. A. COREY
TIAMAT'S WRATH**

Пространство

Джеймс Кори

Гнев Тиамат

«СОЮЗ»

2019

Кори Д. С.

Гнев Тиамат / Д. С. Кори — «СОЮЗ», 2019 — (Пространство)

Ворота в будущее человечества открыты. Одним махом стали доступны более тысячи новых миров, в их числе и Лакония, где император Дуарте установил режим, с помощью которого он намерен подчинить себе остальную часть галактики. Кажется, ничто не сможет остановить его – даже Солнечная система находится под его контролем. И хотя команда Росинанта начинает опасную подпольную битву против империи Дуарте, все более неизбежной кажется будущая жизнь под властью Лаконии, а значит вместе с ней и война, которую человечество скорее всего проиграет. Ведь для борьбы с происходящим произволом и ужасом недостаточно одной лишь отваги и честолюбия. Но, возможно не все потеряно. Ведь у могущественного отца-императора есть дочь – Тереза, а у нее есть свои секреты и тайны, неизвестные даже всемогущему отцу...

© Кори Д. С., 2019

© СОЮЗ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	67
Глава 12	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Джеймс Кори Гнев Тиамат

*Джорджу Мартину,
хорошему наставнику, лучшему другу*

**James S. A. Corey
Tiamat's Wrath**

* * *

© Перевод с английского, Галина Соловьёва
© ИП Воробьёв В. А.
© ООО ИД «СОЮЗ»

Пролог Холден

Крисьен Авасарала умерла. Отошла во сне на Луне, четыре месяца назад. Долгая здоровая жизнь, короткая болезнь, и она оставила человечество совсем иным, чем приняла. Все новостные каналы заранее записали некрологи и воспоминания в готовности прокрутить их на тринадцать сотен миров – на все доставшееся человечеству наследство. В титрах и заголовках не стеснялись высокого стиля: «Последняя королева Земли», «Смерть тирана», «Последнее прощай Авасаралы»... Все они одинаково больно били Холдена. Он не мог представить себе мира, не склоняющегося перед волей этой старухи. Даже когда до Лаконии дошло подтверждение, что новости не лгут, Холден костями верил, что она еще где-то есть: сердитая, злоязыкая, загоняющая себя за любые пределы человеческих сил, чтобы еще на шаг увести человечество от дикости. Между известием и внутренним согласием ему поверить прошел месяц. Крисьен Авасарала умерла. Но это не значило, что с ней покончено. На Земле собирались провести торжественные похороны, но Дуарте распорядился иначе. Срок Авасаралы в должности генерального секретаря Объединенных наций был важнейшим в истории периодом, а своей работой на благо не только родной планеты, но и продвижения всего человечества она заслужила долгую память и честь. Верховный консул Лаконии считал, что она по праву и достоинству должна упокоиться в сердце империи. Похороны были назначены в здании государственного совета. Ее увековечат мемориалом. О роли Дуарте в последней бойне на Земле, так повлиявшей на карьеру Авасаралы, не упоминалось. Победители деловито переписывали историю. Холден не сомневался, что ее противостояние с Дуарте не забыто, хотя о нем и молчали пресс-релизы и государственные новостные каналы. А если кто и забыл, он-то помнил. Мавзолей – ее мавзолей, пока не появится личность, достойная его разделить, – выстроили из белого камня, отполированного до микронной гладкости. Огромные его двери закрылись, служба закончилась. Середину северного фасада украшал портрет Авасаралы. Его вырезали в камне, дополнив датами рождения и смерти и незнакомыми Холдену поэтическими строчками. Сотни кресел, расставленных вокруг возвышения для священника, уже наполовину опустели. Люди, прибывшие на церемонию со всей империи, разбились на группки знакомых. Трава вокруг склепа была не земной, но занимала ту же экологическую нишу и вела себя достаточно похоже, чтобы заслужить здесь то же название. Ветер, вполне теплый, не доставлял неудобств. Повернувшись спиной к зданию, Холден почти без усилия представил, что никто не помешает ему покинуть территорию дворца и уйти куда вздумается. Он был одет в лаконский мундир, синий и украшенный распростертыми крыльями, избранными Дуарте как символ империи. Высокий ворот теснил шею. И царапал кожу сбоку. Место для знаков различия пустовало. Эта пустота, видимо, должна была символизировать почетный плен.

– Вы будете на приеме, сэр? – спросил охранник.

Холден задумался, насколько вырастет напряжение, если он скажет: «нет». Нет, он свободный человек и отвергает гостеприимство дворца. Каким бы ни был ответ, наверняка он предусмотрен и отработан. И, вероятно, ему не понравится.

– Подойду через минуту, – ответил Холден. – Я хотел еще... – Он неопределенно махнул рукой в сторону гробницы, словно смерть была универсальным пропуском. Напоминанием, что все установленные человеком законы и правила преходящи.

– Разумеется, сэр, – ответил охранник и снова слился с толпой.

И все равно Холден не чувствовал себя свободным. Ненавязчивые тюремщики – вот все, на что он мог надеяться. Одна женщина задержалась у подножия мавзолея, глядя на портрет Авасаралы. На ней было сари – яркой синевы, напоминавшей цвет Лаконии ровно в меру веж-

ливости и отличной от него ровно настолько, чтобы подчеркнуть неискренность этой вежливости. Холден, и не видя в ней сходства с бабушкой, узнал бы родню по этому тонкому до грубости оскорблению. Он подошел поближе. Кожа женщины была смуглей, чем у Авасаралы, зато глаза и тонкая улыбка оказались знакомыми.

– Соболезную вашей потере, – произнес Холден.

– Спасибо.

– Мы не представлены. Я...

– Джеймс Холден, – кивнула женщина. – Я знаю. Бабушка иногда о вас рассказывала.

– А... Хотелось бы мне послушать. Мы с ней не всегда сходились во взглядах.

– Да, не всегда. Я Каджри. Она звала меня Кики.

– Удивительная была женщина.

Они помолчали два долгих вдоха. Ветер трепал сари Каджри, как треплет флаги. Холден собирался отойти, когда она снова заговорила.

– Ей бы это вовсе не понравилось, – сказала она. – Утащили в лагерь врагов и чествуют, пользуясь тем, что она уже не может раздавить им яйца. Приписали себе, едва она потеряла возможность драться. Она сейчас так вертится в гробу, что приделать турбину – и хватит энергии на целую планету.

Холден тихо хмыкнул, то ли соглашаясь, то ли нет. Каджри пожала плечами.

– А может, и нет. Все это могло ее попросту насмешить. С ней никогда нельзя было предсказать.

– Я многим ей обязан, – признался Холден. – Не всегда понимал, как она помогала мне, чем могла. А я так и не успел ее поблагодарить. Или... может, время было, да я не торопился. Если я что-то могу сделать для вас или вашей семьи...

– Вы, сдается мне, не в том положении, чтобы предлагать услуги, капитан Холден.

Он оглянулся на дворец.

– Да, сейчас я не в лучшей позиции. Но все равно мне хотелось это сказать.

– Я ценю ваши чувства. К тому же, как я слышала, вы сумели приобрести некоторое влияние. Пленник, близкий к уху императора?

– Насчет этого не знаю. Я много говорю, а вот слушают ли меня?... Кроме разве что охраны. Те, полагаю, ловят каждое слово.

Она хихикнула, и смешок получился теплее, сочувственнее, чем он ожидал.

– Непросто жить, никогда не оставаясь наедине с собой. Я росла, зная, что каждое мое слово мониторят, каталогизируют, заносят в досье и оценивают на потенциальную опасность компрометации меня или семьи. Где-то еще хранятся архивы разведслужб на каждый мой подростковый кризис.

– Из-за нее? – спросил Холден, кивнув на гробницу.

– Из-за нее. Но она же и дала мне инструмент, помогающий выживать в этом. Она научила использовать все, чего мы стыдимся, как оружие унижения против желающих нас унижить. Есть один секрет, знаете?

– Какой секрет?

Каджри улыбнулась.

– Те, кто имеет над нами власть, тоже слабы. Они ходят в туалет, менструируют, теряют любовь своих детей. Они стыдятся давних, прочно всеми забытых глупостей, которые натворили в юности. И потому они уязвимы. Мы определяем себя через окружающих нас людей – это наше врожденное обезьянье свойство. Нам через него не перешагнуть. И потому, наблюдая за вами, они вручают вам средство изменить и их тоже.

– И этому она научила вас?

– Научила, – согласилась Каджри. – Сама того не зная.

Словно в доказательство ее мысли, по траве к ним двинулся охранник – неторопливо, оставляя им время заметить его и договорить. Каджри, повернувшись к нему, подняла бровь.

– Прием начнется через двадцать минут, мэм, – сказал охранник. – Верховный консул особо надеется на встречу с вами.

Она ответила улыбкой, которую Холден прежде видел на других губах.

– Мне и в голову не приходило его разочаровывать.

Холден предложил ей руку, Каджри оперлась на нее. Отходя, он кивнул на мавзолей, на стихотворную надпись на стене. «Если за смертью есть жизнь, я буду искать тебя там. Если нет, тоже буду».

– Любопытная цитата, – заметил он. – Мне она кажется знакомой, но не вспоминается. Кто это написал?

– Не знаю, – сказала Каджри. – Но она просила написать эти слова на могиле. Откуда они, не говорила.

* * *

На Лаконии собрались все, кто хоть что-то собой представлял. Эту фразу следовало понимать в нескольких смыслах. Идея Дуарте переместить центр человечества из системы Сол в свою империю встретила такую поддержку и сотрудничество, что Холден сначала поразился, а потом затаил разочарование в человеческой расе. На Лаконию переносили свои центры самые престижные научно-исследовательские институты. Четыре балетные труппы, отбросив вековое соперничество, поделили между собой нишу культуры. В новые, приближенные ко двору и источникам финансов столичные институты стремились знаменитости и ученые мужи. Здесь уже снималось кино. Мягкая сила культуры готова была на полной скорости хлынуть в сеть и на все каналы, вселяя уверенность в верховном консуле Дуарте и вечности Лаконии. Не отставал и бизнес. Дуарте заранее подготовил для этого банки и офисные здания. Ассоциация Миров уже не сводилась к Кэрри Фиск в задрипанном кабинетике на Медине. Ей достался собор в центре столицы: просторный, как ангар, изнутри и возносящийся витражными стенами до самых небес снаружи. Были здесь и власти Союза перевозчиков – в здании поменьше и не столь прекрасном, так что с первого взгляда делалось ясно, кто в фаворе, а кто на испытательном сроке.

Холден наблюдал все это из здания государственного совета, ставшего ему домом и тюрьмой, – и ему казалось, что он живет на острове. В границах города Лакония выглядела чище, новее, ярче и лучше управляемой, чем большинство известных Холдену космических станций. Сразу за границами начинались дебри, знакомые только по книжкам сказок. Чтобы изучить и приручить древние леса и чужие руины, требовалось не одно поколение. До Холдена доходили сплетни и слухи о воскрешенных первыми опытами жутких пережитках чужой технологии: роющих червях размером с космический корабль, собакообразных ремонтных дронах, не отличавших механизма от живой плоти, хрустальных пещерах с пьезоэлектрическими эффектами, наводивших музыкальные галлюцинации и опасное для здоровья головокружение. Столица теперь обозначала человечество, а планета вокруг нее осталась чужой. Островок надежности в море «этого мы пока не понимаем». Отчасти Холдена ободрял тот факт, что посягнувшему на звание бога-императора Дуарте не удалось за несколько десятилетий исполнить все задуманное. Отчасти тот же факт его ужасал.

Зал приемов был величественным, но без излишеств. Если Лакония строилась по замыслам Дуарте, значит, в душе верховного консула наличествовали зыбкие ниточки личной уверенности. При всем великолепии города, при всех ошеломительных амбициях Дуарте его дом и двор не поражали пышностью и даже не были особенно нарядными. Чистые линии и нейтральная палитра бального зала создавали изящество, не слишком озабоченное чужим мнением. Здесь и там были расставлены кресла и кушетки, которые гости могли передвигать как

захочется. Молодые люди в военной форме разносили вино и чай с пряностями. Все, чем окружал себя Дуарте, говорило не столько о силе, сколько об уверенности. И прием хорошо работал – он продолжал действовать даже после того, как Холден его распознал. Взяв бокал вина, Холден принялся прогуливаться среди гостей. Некоторых он узнавал с первого взгляда. Кэрри Фиск из Ассоциации Миров: королева за длинным столом с губернаторами дюжины колоний, наперебой спешившими посмеяться ее шуткам. Торне Чао – лицо самого популярного новостного канала, вещавшего с Бара Гаон. Эмиль-Мишель Ли в свободном зеленом платье – своей «торговой марке», с которой она расставалась только на съемочной площадке. Но на каждое лицо, которое Холдену удавалось связать с именем, находилась дюжина смутно знакомых. Он шел сквозь прозрачный туман вежливых улыбок и ни о чем не говоривших приветственных кивков. Он присутствовал здесь потому, что Дуарте пожелал, чтобы его видели, но диаграмма Венна по числу людей, добивающихся благосклонности верховного консула, и людей, рискующих вызвать его недовольство, приветив высокопоставленного заключенного, не слишком перекрывалась. Хотя находились и улыбающиеся двум сторонам.

– Я еще не настолько пьяна, – объявила президент Союза перевозчиков Камина Драммер, оперевшись на высокий столик и обхватив бокал ладонями.

В реале она выглядела старше. Холден, не отделенный от нее камерой, сканером и миллиардами километров, яснее различил морщинки у глаз и у рта. Чуть подвинувшись, она освободила ему место у столика, и он принял приглашение.

– Не знаю, сколько тут надо выпить, – ответил он. – Напиться до отключки? Или чтобы лезть в драку? Или чтобы плакать в уголке?

– Вы, похоже, даже не навеселе.

– И верно. Я нынче почти не пью.

– Бережете мозги? – И желудок тоже.

Драммер улыбнулась, выкашляла смехок.

– Почетному пленнику позволяют общаться с людьми. Наводит на мысль, что вы им больше не нужны. Что, выжали весь сок?

Тон разговора можно было принять за поддразнивание между коллегами, одинаково отпавшими от власти и живущими в сумерках политики. А можно было расслышать в нем большее. Окольный вопрос, не вынудили ли его предать подполье Медины. Сломали его или нет. Драммер не хуже Холдена знала, что их слушают даже здесь.

– Я по мере сил помогаю им разобраться с угрозой чужаков. В остальном, если бы меня и стали расспрашивать, все мои ответы – уже вчерашний день. А здесь я, полагаю, потому, что Дуарте счел это полезным для себя. – Цирк с ослами.

– Цирк с собачками, – поправил Холден и, видя ее недоумение, пояснил: – Так говорят: «цирк с собачками».

– Ну конечно, – согласилась она.

– А вы как? Как идет разгон Союза?

Глаза Драммер блеснули, улыбка стала шире. И ответила она голосом «на камеру», хрупким, теплым и фальшивым, как пустой орех:

– Я весьма довольна тем, как гладко происходит перевод под надзор лаконских властей и Ассоциации Миров. Наша главная цель – сохранить все полезные наработки и внедрить новые процедуры, позволяющие очистить лес от сухостоя. Нам удалось поддержать и даже увеличить эффективность торговли, не поступившись безопасностью, которой требует высшее предназначение человечества.

– Так плохо?

– Напрасно я кусаюсь. Могло быть хуже. Пока я – хороший солдатик, а Дуарте рассчитывает с моей помощью вытащить Сабу на солнышко, боксы мне не грозят.

От главного входа по толпе прокатился ропот и волнение. Все взгляды обращались в одну сторону, как опилки в магнитном поле. Холден и не глядя мог сказать, что прибыл Уинстон Дуарте, но все же оглянулся.

Одет Дуарте был почти так же, как Холден. И отличался тем же дружелюбным спокойствием, с которым, похоже, никогда не расставался. А вот охрана у него была заметнее, чем приставленная к Холдену: двое коренастых телохранителей с личным оружием и поблескивающими имплантированными устройствами в глазах. С ним явился и Кортасар, но тот держался поодаль с миной мальчишки, которого отвлекли от игры ради семейного обеда. Настоящий подросток – дочь Дуарте Тереза – стояла рядом с отцом.

Кэрри Фиск, покинув губернаторское собрание, засеменила навстречу, пожала правителю руку. Обменявшись с ним несколькими словами, она повернулась к Терезе и тоже пожала ей руку. За спиной Фиск уже сгущалась маленькая толпа: все деликатно старались занять позицию для встречи с великим человеком.

– Жуткий сукин сын, а? – заметила Драммер.

Холден хмыкнул. Он не понял, что она имеет в виду. Может быть, только вымуштрованное на почтительные поклоны окружение. Хватило бы и этого. Но могла она заметить и то, что видел Холден: дрожащий взгляд, перламутровый отлив кожи. Холден наблюдал действие протомолекулы чаще всех – кроме только сотрудников лаборатории Кортасара. И он раньше распознал побочные эффекты ее воздействия на Дуарте.

Он поймал себя на том, что неприлично глазееет. Более того, глазели все, и его просто увлек напор общего внимания. Холден, сделав над собой усилие, снова перевел взгляд на Драммер. С неудовольствием признал, что усилие потребовалось немалое.

Ему хотелось спросить о новостях из подполья: такой ли неизбежностью видится Дуарте в огромном вакууме между мирами, как здесь, у себя дома.

– Есть известия о подполье? – спросил он.

– Сколько-то недовольных будет всегда, – ответила она, держась на грани между просто-душием и многозначительностью. – А вы как? Как проводит время прославленный капитан Джеймс Холден? Ходит в гости? Потрясает кулаками в бессильной ярости?

– Вот уж нет. Всего лишь строит козни и выжидает момента для удара, – ответил Холден. И оба улыбнулись, словно это была шутка.

Глава 1

Элви

«Мир еще удивительнее, чем вы думаете». Эту фразу любил повторять один профессор, преподававший у них в студенческие годы Элви. Профессор Эрлих, старый ворчливый немец с длинной седой бородой, напоминавшей Элви о садовых гномах, говорил это каждый раз, когда студент поражался результату лабораторных опытов. Тогда Элви находила его поговорку банальностью. Разумеется, вселенная полна сюрпризов.

Профессора Эрлиха, конечно, уже нет в живых. Он почти исчерпал возможности преподающих жизнь технологий, когда Элви было чуть за двадцать. Сейчас у нее дочь старше. Но, будь он жив, Элви охотно принесла бы ему многословные и сердечные извинения.

Мир не просто удивительней, чем вы думаете, он удивительнее, чем можно себе представить. Каждое новое чудо, каким бы поразительным оно ни было, всего лишь закладывало фундамент для еще более потрясающих открытий. Вселенная постоянно сдвигала определение понятия «странное». Открытие на Фебе протомолекулы, в которой все тогда видели инопланетную форму жизни, до основания потрясло человечество, но известие, что протомолекула – не столько инопланетянин, сколько орудие инопланетян, растревожило людей еще сильнее. Всего лишь подобие гаечного ключа, только этот ключ превратил целую астероидную станцию Эрос в космический корабль, оседлал Венеру, создал кольцо врат и открыл неожиданный выход к тринадцати сотням миров за ними. Мир удивительнее, чем вы думаете. Как вы правы, профессор!

– Что это? – спросил ее муж Фаиз. Они стояли в рубке ее корабля, «Сокола». Корабля, подаренного Лаконской империей. На экране в высоком разрешении появилось то, что все называли «объектом». Планетарное небесное тело чуть больше Юпитера, почти прозрачное, как огромный хрустальный шар с легким зеленоватым оттенком. Единственная структура в системе Адро.

– Пассивная спектроскопия показывает почти чистый углерод, – сказал Травон Барриш, не отрываясь от рабочего экрана, на котором прокручивались данные. Он был специалистом по материаловедению, и другого такого буквалиста Элви не встречала. Так он ответил на вопрос Фаиза. Но Элви понимала, что муж спрашивал не о том. Он спрашивал: «Зачем это?»

– Упаковано в плотную кристаллическую решетку, – подала голос физик Джен Лавли. – Это... Она запнулась, и Элви договорила за нее:

– Алмаз.

В семь лет мать привезла Элви на свою родину, в Нигерию, по случаю смерти незнакомой девочке двоюродной бабушки. Пока мать занималась похоронами, Элви бродила по дому. Она играла сама с собой, пытаясь восстановить образ покойной по оставшимся от нее вещам. На полке у кровати улыбался с фотографии молодой человек, темнокожий и светлоглазый: муж, брат или сын? В крошечной ванной комнате среди разбросанных пакетиков дешевого мыла и салфеток таинственно мерцала зеленую красивая хрустальная бутылочка: духи или яд? Все принадлежавшее этой незнакомой женщине представлялось Элви фантастическим и притягательным. Много лет спустя, чистя зубы, она вдруг вспомнила запах и поняла, что зеленая жидкость в бутылочке почти наверняка была полосканием для рта. Одна тайна разрешилась, но возникли новые вопросы. Почему она держала полоскание в таком красивом флакончике, а не в экологичной фабричной упаковке? От чего был этот флакон? Она действительно пользовалась им для полоскания – или употребляла с тайной целью, до которой Элви не додумалась? Та, что могла бы объяснить, умерла, и тайна навеки осталась тайной. Некоторые вещи непонятны вне контекста.

Обзорный экран заполнил собой одинокий зеленоватый бриллиант, гладкий, словно после машинной полировки, и плывущий по системе угасающего белого карлика, где не было других планет. Хрустальная бутылочка с полосканием в окружении дешевых брусков мыла на грязной полочке в ванной. Фаиз прав. Единственный осмысленный вопрос здесь: «Зачем?» – но все знавшие ответ умерли. И остался только ответ профессора Эрлиха.

«Сокол» был сконструирован по особому запросу верховного консула Дуарте специально для Элви и имел одну задачу: побывать в сети врат «мертвых систем» в поисках следов безымянного врага, уничтожившего цивилизацию создателей протомолекулы, или той невероятной нематериальной пули, которую он – или оно, потому что неясно, каким местоимением обозначить расположенный вне измерений и пространства прекурсор, – оставил после себя.

До сих пор «Сокол» побывал в трех таких местах. И каждое оказывалось чудом. Элви не нравилось обозначение «мертвая система». Люди привыкли называть их так потому, что там не было пригодных для жизни планет. Да, никакая постижимая для человека жизнь не возможна на этом бриллианте величиной с Юпитер, плывущем по орбите белого карлика. Но и возникновение подобного естественным путем немыслимо. Его кто-то создал. Инженерия такого масштаба внушала благоговение в буквальном смысле слова. В этом чувстве в равных пропорциях смешалось удивление и ужас. Назвать такое мертвым только потому, что на нем ничего не растет, – означает поступиться удивлением в пользу ужаса.

– Они все повымели, – сказал Фаиз. Он листал изображения системы, принятые через радар и телескоп. – На световой год от звезды даже кометного пояса не осталось. Сгребли всю материю до крошки, превратили ее в углерод и слепили этот гребаный бриллиант.

– Когда-то люди дарили бриллианты, предлагая руку и сердце, – заметила Джен. – Может, кто-то постарался, чтобы ему не ответили отказом.

Травон вскинул голову и заморгал, обернувшись к Джен. Его несгибаемый буквализм исключал всякое подобие чувства юмора, и Элви не раз наблюдала, как легкомысленная ирония Джен вгоняла материаловеда в ступор.

– Не думаю... – начал он, но Элви не дала ему договорить:

– Не отвлекайтесь от работы, люди. Мы должны все узнать об этой системе, прежде чем запускать катализатор и разносить все на составные части.

– Согласен, босс. – Фаиз незаметно подмигнул жене.

Остальная команда, лучшие ученые и инженеры, собранные со всей империи и отданные ей под начало самим верховным консулом, снова уткнулись в свои дисплеи. В научных вопросах, относящихся к текущему заданию, ее приказы имели всю силу имперских законов. Никто этого не оспаривал. С той оговоркой, что не все входили в ее команду и не всё имело отношение к научным вопросам.

– Ты сама им скажешь, что у нас дело затянулось, – спросил Фаиз, – или лучше мне?

Она снова бросила жадный взгляд на экран. Возможно, этот алмаз таил в своей структуре следы, похожие на поблекшие чернила старинных манускриптов, которые подскажут им путь к новым тайнам, новым откровениям, к новым невыразимым чудесам. Не желала она никому ни о чем сообщать. Ей хотелось смотреть.

– Я сама, – сказала Элви и направилась к лифту.

* * *

Адмирал Мехмет Сагали, человек-гора с угольными глазами на плоском как тарелка лице, был военным командиром миссии и почти не задевал ученых. Но в том, что касалось его сферы, он оставался непоколебим и несокрушим соответственно своим размерам. И его спартански обставленный кабинет всегда заставлял подтянуться. Почувствовать себя школьником,

вызванным к директору за списывание на контрольной. Элви вовсе не нравилось подчиняться военным. Но в Лаконской империи они всегда оказывались на вершине пирамиды власти.

– Доктор Окойе, – начал адмирал Сагали. Потирая переносицу толстыми как сосиски пальцами, он рассматривал Элви с любовным и снисходительным недовольством, как она когда-то глядела на своих натворивших глупостей детей. – Мы, как вам известно, прискорбно отстаем от графика. Я распорядился...

– Это невероятная система, Мет, – перебила Элви. Назвав его кратким именем, она выказала легкую агрессию, но в дозволенных границах. – Слишком невероятная, чтобы пробросаться ею от спешки. Она стоит времени на изучение, прежде чем выпускать катализатор и ждать, взорвется или нет!

– Майор Окойе, – повторил Сагали, употребив воинское звание, чтобы без лишних тонкостей напомнить, кто тут начальник, а кто подчиненный. – Как только ваша группа закончит предварительный сбор данных, мы выводим катализатор для проверки, обладает ли эта система военной значимостью, – согласно приказам.

– Адмирал, – заговорила Элви, зная, что в таком настроении он невосприимчив к агрессии, и переходя на демонстративную почтительность. – Мне просто нужно еще немного времени. График можно догнать на обратном пути. Дуарте вручил мне самое скоростное в истории исследовательское судно, чтобы я больше времени тратила на науку и меньше – на дорогу. Именно об этом я сейчас вас и прошу.

Напомним, что у нее прямая связь с верховным консулом и тот настолько ценит ее работу, что построил ей целый корабль. Если уж без тонкостей. Сагали не дрогнул.

– У вас еще двадцать часов на сбор данных, – заявил он, складывая руки на животе на манер Будды. – И ни минутой больше. Известите свою группу.

– Вот эта закоснелость мышления и не позволяет делать хорошую науку под властью Лаконии, – сказала Элви. – Надо было мне взять биологический факультет в каком-нибудь университете. Я слишком стара, чтобы слушаться приказов.

– Согласен, – ответил Фаиз. – Однако мы здесь.

Они зашли в каюту, чтобы принять душ и наскоро перекусить, прежде чем Сагали со своими штурмовиками выпустит за борт живой образец протомолекулы, рискуя уничтожить миллиардолетний артефакт ради проверки, не бумкнет ли он с пользой для войны.

– Если из него не выйдет усовершенствованной бомбы, не жалко и поломать!

Она так стремительно развернулась к Фаизу, что тот отступил на полшага. Оказалось, она вскочила, держа в руке обеденную тарелку.

– Я не собиралась ее бросать, – уверила Элви. – Я не швыряюсь посудой.

– Бывает и с тобой, – напомнил он. Фаиз тоже постарел. Черные когда-то волосы совсем поседели, от уголков глаз протянулись смешливые морщинки. Ей он нравился и таким. Она любила, когда он улыбался, – больше, чем когда хмурился. Сейчас муж улыбался. – Случалось и бросаться.

– Никогда... – начала она, гадая, в самом ли деле он испугался, что тарелка полетит ему в голову, или просто поддразнивал, чтобы поднять настроение. Они прожили вместе не один десяток лет, но Элви до сих пор не всегда знала, что у него на уме.

– На Бермудах. Рики как раз уехал в университет, мы впервые за много лет собрались в отпуск, и ты... – Там был таракан! Таракан полз по тарелке!

– Ты мне чуть голову не снесла, так швырнула.

– Ну, – оправдалась Элви, – это от неожиданности.

Она засмеялась. Фаиз ухмылялся так, словно выиграл приз. Ну конечно, он все затеял, чтобы ее рассмешить. Элви поставила тарелку.

– Послушай, я понимаю, что мы не для того защищали диссертации, чтобы салютовать и исполнять приказы, – сказал Фаиз. – Но такова новая реальность, пока власть у Лаконии. Так что...

Она сама виновата, что ее занесло в директорат по науке. Лакония в целом оставляла людей в покое. Планеты избирали губернаторов и представителей в Ассоциацию Миров. Им позволяли устанавливать свои законы – лишь бы те не противоречили имперским. И, в отличие от большей части исторических диктатур, Лакония не стремилась контролировать высшее образование. Университеты галактики после захвата работали почти как прежде. Иногда даже лучше.

Но Элви допустила промашку: стала ведущим специалистом по протомолекуле, по создавшей ее исчезнувшей цивилизации и по тому року, который ее уничтожил. В молодости она попала на Илос в составе первой научной экспедиции по исследованию биологии чужой планеты. До тех пор она специализировалась в теоретической экзобиологии, занимаясь в основном глубоководными и глубоколедными организмами как аналогами гипотетических бактерий, которые могли быть найдены под поверхностью Европы.

На Европе бактерий не обнаружилось, зато открылись врата, и экзобиология вдруг стала прикладной наукой, располагающей для изучения тринадцатью сотнями биомов. Элви ожидала найти на Илосе аналоги рептилий, а нарвалась на артефакты галактической войны, закончившейся, когда ее вид еще не родился. Понять их стало для нее идеей фикс. Как же иначе? Дом величиной с галактику, каждая комната в нем полна интригующих вещей, а хозяева скончались тысячелетия назад. Остаток жизни она посвятила тому, чтобы в них разобраться. Так что, получив приглашение Уинстона Дуарте возглавить группу, исследовавшую ту самую тайну, и прилагавшийся к нему бездонный грант, она не сумела отказать.

Тогда она знала о Лаконии ровно столько, сколько сообщали в новостях. Небывалая мощь, непобедимость и при этом ни этнических чисток, ни геноцида. Возможно, новая сила даже действует в интересах человечества. Элви не слишком терзалась, принимая от нее деньги на науку. Тем более что и выбора особого не было. Когда король говорит: «Приезжайте поработать у меня!» – найти отговорку непросто. Угрызения совести появились позднее, когда ее ввели в курс их военной организации и открыли источник сокрушительного военного превосходства Лаконии. Когда она познакомилась с катализатором.

– Пора возвращаться, – сказал Фаиз, убирая со стола. – Часики тикают.

– Сейчас. Еще минуту. – Она ушла в их общую крошечную ванную комнату. Одна из привилегий должности. Из зеркала над раковиной на нее взглянула старуха. И в старых глазах был страх перед тем, что ей предстояло сделать.

– Ты там готова? – крикнул Фаиз.

– Иди вперед, я догоню.

– Господи, Элс, ты что, хочешь еще раз его навестить?

«Его»... Катализатор.

– Ты не виновата, – продолжал Фаиз. – Не ты начала эту работу.

– Я согласилась ее возглавить.

– Милая. Дорогая. Свет моих очей! Как ни называй Лаконию на публике, но под одеждой она – голая диктатура. У нас не было выбора.

– Знаю.

– Так зачем тебе самой этим заниматься?

Она не ответила, потому что не сумела бы объяснить, даже если бы захотела. – Я тебя догоню.

* * *

Катализатор хранился в самом сердце «Сокола», за толстыми слоями обшивки из обедненного урана, в самой сложной в галактике клетке Фарадея. Очень скоро выяснилось, что средства связи протомолекулы действуют быстрее скорости света. Основная гипотеза ссылалась на какое-то применение квантовой запутанности, но, каким бы средством она ни пользовалась, протомолекула презирала пространство, как и созданная ею система колец.

Группа Кортасара годами ломала голову, как помешать протомолекуле обращаться к самой себе. Но в их распоряжении были десятилетия, так что в конце концов ученые создали комбинацию полей и материалов, вынуждавшую протомолекулярный узел замкнуться в себе, изолируясь от остальных.

Узел. Он. Катализатор.

Вход в камеру охраняли два космических десантника Сагали. Их тяжелая голубая броня взвизгивала и потрескивала при любом движении. Каждый был вооружен огнеметом. На всякий случай.

– Мы скоро собираемся применить катализатор. Я хочу его проверить, – сказала Элви в пространство между ними. Хоть ей и присвоили военный чин, она до сих пор не всегда могла разобраться в порядке званий в данном конкретном помещении. Для лаконцев после промывания мозгов в лагере для новобранцев и долгой практики это разумелось само собой.

– Конечно, майор, – отозвалась стоявшая слева. Она выглядела слишком молодой, чтобы превосходить Элви рангом, но с лаконцами такое бывало нередко. Многие выглядели слишком молодыми для своих званий. – Вам нужно сопровождение?

– Нет, – ответила Элви. *Нет. Я всегда делаю это сама.*

Молодая десантница что-то повернула у себя на запястье, и дверь скользнула в сторону.

– Дайте знать, когда захотите выйти.

Катализатор находился в кубической комнате со стороной четыре метра. В ней не было кровати, раковины, туалета. Только жесткий металл и зарешеченный сток. Раз в день все здесь заливали сольвентами, а отсосанную обратно жидкость сжигали. Лаконцы, имея дело с протомолекулой, маниакально соблюдали карантин.

Узел, он, катализатор был когда-то женщиной немного моложе шестидесяти лет. Официальные отчеты, к которым имела доступ Элви, не говорили, как ее звали и почему ее выбрали для заражения протомолекулой. Но Элви успела провести среди военных достаточно времени, чтобы проведать о боксе. Туда для преднамеренного заражения посылали преступников, обеспечивая империю неограниченным запасом протомолекулы для работы.

Стараниями Кортасара или из-за случайного сочетания генов эта женщина получилась всего лишь носителем. У нее появились первые признаки заражения – изменения кожи и скелета, – но за месяцы, прошедшие с ее доставки на борт «Сокола», они нисколько не прогрессировали. Она так и не вошла в стадию «блуждающих зомби», когда зараженный выблевывал материю, распространяя инфекцию.

Элви знала, что находиться в одной комнате с носителем совершенно безопасно, и все равно, входя сюда, каждый раз вздрагивала. Инфицированная женщина смотрела на нее пустыми глазами и беззвучно шевелила губами. Пахла она в основном растворителями, в которых купалась каждый день, но сквозь их запах пробивался другой. Вонь гниющей плоти, как в морге.

Приносить в жертву животных считалось нормой. Крыс, голубей, свиней. Собак. Шимпанзе. Биология справилась с когнитивным диссонансом: доказать, что человек – такое же животное, как все, и в то же время утверждать его моральное отличие. Убить шимпанзе во имя науки в порядке вещей. Убивать человека нельзя. Кроме, как видно, тех случаев, когда

очень нужно. Может, катализатор сам согласился. Может, выбор предлагался между этим или другой, более мерзкой смертью. Если такое бывает.

– Прости, – сказала Элви, как говорила каждый раз, входя в эту камеру. – Мне так жаль. Я не знала, что они это сделали. Я бы никогда не согласилась.

Голова женщины мотнулась на шее, пародируя согласие.

– Я не забуду, что они с тобой сделали. Я это исправлю... если сумею.

Женщина оперлась на пол, словно хотела встать, но рукам не хватило силы, и ладони бескостными тряпицами шлепнули по металлу. Рефлексы. Так говорила себе Элви. Мозг отсутствует или превратился во что-то такое, что в здравом уме не назовешь мозгом. Под ее кожей нет жизни. Больше нет.

Но когда-то была.

Элви вытерла глаза. Мир удивительнее, чем мы думаем. Иногда он полон чудес. Иногда ужаса.

– Я не забуду.

Глава 2

Наоми

Наоми тосковала по «Росинанту», но ведь теперь ей о многом приходилось тосковать.

Ее старый корабль, ее дом, остался на Фригольде. До отлета они с Алексом отыскиали на южном континенте Фригольда систему пещер с устьем, в которое удалось втиснуть корабль. Они загнали его в сухой тоннель и неделю налаживали герметизацию и ловушки от местной флоры и фауны. Когда бы они ни вернулись, найдут «Роси» на месте, он их дождет. Если не вернутся совсем, он простоит там века. Будет ждать.

Иногда на краю сна она отпускала себя на корабль. Помнила каждый его сантиметр, от кабины наверху до изгиба дюз. Могла мысленно проплыть по нему в невесомости или пробраться под тягой. Ей рассказывали, что земные ученые в древности возводили таким способом Дворцы Памяти. Представить себе Алекса в пилотской кабине с песочными часами в руках – заметить время. Затем вниз по летной палубе, где Амос с Клариссой перебрасываются мячом для голго с нарисованной на боку цифрой «2» – это начальная и конечная скорости, деленные на два. Дальше вниз, в каюту, там Джим. Сам Джим. Джим означает смещение. Простое уравнение движения, три в одном – легко запоминается, потому что каждое из трех обожгло ей сердце.

Потому, в числе прочего, она и согласилась на игру в наперстки, задуманную дотянувшимися до нее Сабой и подпольем. Воспоминания похожи на призраков, и, пока нет Джима и Амоса, «Роси» останется кораблем с привидениями. И не только о Джиме речь, хотя в первую очередь о нем. Наоми потеряла Клариссу: та умерла бы от медленного яда своих имплантов, если бы не предпочла смерть в бою.

Амос принял от подполья рискованное задание в глубоком тылу врага и замолчал, пропуская одно за другим окна связи, пока они не потеряли надежду когда-нибудь его услышать. А Бобби была жива-здорова, но занимала теперь капитанское кресло на собственном корабле. Наоми потеряла всех, но расстаться с Джимом было больнее всего.

А вот по Фригольду она вовсе не скучала. В огромном пустом небе над головой поначалу было свое очарование, но новизна стерлась, а тревожное чувство осталось. Если уж ей предстоит жизнь скрывающейся беженки, лучше провести ее там, где видно, что удерживает воздух. Ее новому дому – пусть бедному и жуткому – хоть в этом не откажешь.

Снаружи ее квартира выглядела стандартным грузовым контейнером для транспортировки маломощных планетарных реакторов. Колонисты тринадцати сотен миров использовали такие для электрификации маленьких городов или средних рудников. Избавившись от содержимого, в нем освободили место для шарнирного амортизатора, аварийного утилизатора замкнутого цикла, водоснабжения и полудюжины модифицированных торпед малого радиуса действия. В амортизаторе она спала и работала. Утилизатор давал энергию, пищу и избавлял от отходов. Такие устройства способны поддерживать жизнь на обездвиженном корабле неделями, но не создают удобств для команды. Вода служила для питья и отчасти для маскировки: выведенная на наружные панели испарителя, она удаляла из контейнера излишки тепла.

А торпеды были средством сообщения с внешним миром.

Но не сегодня. Сегодня она ждала встречи с живыми людьми. Подышать их воздухом, коснуться их кожи. Услышать живые голоса. Наоми не знала, волнует ее предстоящая встреча, или сосущее ощущение в животе – дурное предчувствие. Так легко перепутать.

– Разрешение на выход, – произнесла она, и монитор койки, помедлив, отослал сообщение, а спустя несколько вздохов вернул подтверждение. «Отправление 18:45 стандартного времени. Не опаздывайте».

Наоми отстегнулась от койки и толкнулась к внутренней двери контейнера, на ходу закрепляя шлем. Когда скафандр подтвердил надежность герметизации, она еще раз проверила клапаны и загнала воздух в аварийный утилизатор, оставив в контейнере почти полный вакуум. Когда давление снизилось до разрешенного предела, она открыла двери и подтянулась в просторный грузовой трюм.

«Последнюю истину» переделали из ледовозной баржи в дальний транспорт для колоний. Трюм был широк, как небо Фригольда, – во всяком случае, так ей показалось. Сюда можно было, не коснувшись стен, загнать дюжину «Росинантов». Но занимали трюм не корабли, а тысячи одинаковых контейнеров, заготовленных для доставки из Сол в любой новый город или на новую базу человечества. Для приручения диких планет, не знакомых с геномным кодом и генеалогией человека. Содержимое большинства контейнеров соответствовало документации: почва, промышленные дрожжевые инкубаторы, библиотеки бактерий.

Некоторые, как и у нее, содержали кое-что другое. Вот вам и игра в наперстки.

Наоми не знала, Саба это придумал, или его жена, фиктивный президент Союза перевозчиков, сумела подсказать по тайной связи. С тех пор как Лакония полностью контролировала станцию Медина и медленную зону, затруднительнее всего для подполья стало перемещение кораблей и персонала из системы в систему. Даже маленький «Роси» не смог бы избежать внимания датчиков Медины. Регулировка движения через врата была слишком важна, чтобы допускать случайности.

Но, пока Союз перевозчиков еще распоряжался своими кораблями, оставалась возможность подделать документацию. Можно было передавать с корабля на корабль вот такие грузовые контейнеры, как у нее, делая затруднительной или невозможной слежку за ее связями – а также за связями Сабы, Вильгельма Уокера и других лидеров подполья – с кораблями. А если дело стоило огромного риска, удавалось протащить контрабандой и предметы покрупнее. И поопаснее. Например, можно было украдкой подогнуть в систему Сол захваченный военный корабль «Предштормовой». А с ним – Бобби Драпер и Алекса Камалья, которых она не видела больше года. И которых ждала теперь для личной встречи.

Наоми с выработанной за долгие годы ловкостью пробиралась между рядами контейнеров. На них мигали огоньки указателей, отмечавшие изменчивый лабиринт ходов и направляющие к командному люку. Помещение для команды на этом корабле было, собственно, даже меньше, чем на «Росинанте». Каюты экипажа – не просторнее ее потайного контейнера.

Наоми не была знакома с людьми, возившими ее в последние месяцы. Большинство и не подозревало о ее присутствии. Так устроил Саба. Чем меньше народу знает, тем меньше риска проговориться. На старом астерском это называлось «геррарегла». Регламент войны. Так она жила девчонкой, в недобрые старые времена.

Отыскав шлюз в корабль, Наоми запустила цикл шлюзования. Ее уже ждал связник – девушка не старше двадцати, бледнокожая, с широко поставленными темными глазами. Голову она брила, наверное, чтобы выглядеть крутой, но Наоми вспомнился пушок на младенческой макушке. Звали ее, может быть, и не Бланка, но так она представилась Наоми.

– У вас есть двадцать минут, мэм, – сказала Бланка.

У нее был хороший голос – чистый и мелодичный. А марсианский акцент напомнил Наоми Алекса. – Потом у меня кончится смена. Я и тогда могу остаться поблизости, но не помешаю сменщику войти.

– Более чем достаточно, – успокоила Наоми. – Мне бы только добраться до жилого кольца.

– Легко. Мы передаем ваш контейнер на «Мосли» у причала шестнадцать-десять. Перегрузка займет несколько часов, но порядок работ уже одобрен.

Горошина перекачивается под новый наперсток. К тому времени, как Наоми соберется разослать следующую очередь приказов и аналитики, «Последняя истина» уйдет за врата Сол в

какую-то другую систему. А Наоми останется в той же норке, будет спать на той же кровати, но уже на другом корабле. Вместо Бланки ее будет ждать в доках другой связной. Наоми потеряла счет таким передачам.

Они стали почти привычными.

– Спасибо, – сказала она, подтягиваясь в шлюз с выходом на причал.

– Это честь для меня, мэм, – выпалила Бланка. – То есть знакомство с вами. С Наоми Нагатой!

– Спасибо вам за все, что вы для меня сделали. Я не могу выразить свою благодарность.

Бланка вытянулась по стойке смирно. Все это напоминало театр, и все же Наоми отдала девушке честь. Для той это что-то значило, и невежливо было бы не ответить ей такой же серьезностью. Не просто невежливо – жестоко.

Но она уже втянулась в тесный зеленый коридор, уводящий с «Последней истины», оставив Бланку позади. Едва ли они снова увидятся.

* * *

Глубинная трансферная станция Три обитала между орбитами Сатурна и Урана в привязке к расположению врат Сол. Знакомая архитектура: большой сферический порт, при полной загрузке рассчитанный на несколько дюжин кораблей, и жилое кольцо, раскрученное на треть *g*. Станция служила и центральным перевалочным узлом на входе и выходе в систему Сол, и великолепным складским комплексом. Корабли со всей системы доставляли сюда грузы для колоний и принимали встречные посылки. На этой базе всегда находилось больше артефактов чужаков, чем в любой другой точке системы.

Общим счетом станция могла вместить двенадцать тысяч человек, хотя полная загрузка требовалась редко. Постоянный штат, экипажи кораблей и контрактники для обслуживания больниц, баров, борделей, церквей, складов и ресторанов, без которых люди нигде не обходятся. На этой базе экипажи из Сол и из систем по ту сторону колец могли несколько дней отдохнуть друг от друга, посмотреть на незнакомые лица, послушать голоса, которые не надоели за месяцы, забраться в постель с кем-то, кто еще не воспринимается как член семьи. Все это создавало братскую атмосферу, породившую неофициальное название станции – «Родительский дом». Наоми здесь нравилось. В устойчивости человеческих привычек виделось что-то обнадеживающее. Чужие цивилизации, галактические империи, война и сопротивление никуда не делись. Но кроме них была выпивка и караоке. Секс и младенцы.

Она шла по общему коридору жилого кольца, не поднимая головы. Подполье обеспечило ей поддельное удостоверение для станционной системы, так что ее биометрические данные не вызывали тревоги, и все же она старалась не бросаться в глаза, на случай если попадется кто знакомый.

Местом встречи назначили ресторан на нижнем внешнем уровне кольца. Наоми ожидала, что ее загонят на склад-холодильник, но встретивший у дверей мужчина провел ее в отдельный кабинет. Еще не перешагнув порог, она поняла, что они здесь.

Бобби увидела ее первой и встала, ухмыляясь во весь рот. Неприметный рабочий костюм без меток и нашивок все равно смотрелся на ней как мундир. Поднявшийся вслед за Бобби Алекс постарел. Он сбросил вес, а уцелевшие волосы стриг под машинку. Его можно было принять за счетовода или за генерала. Они без слов шагнули друг к другу, обнялись все троем: Наоми положила голову Алексу на плечо, Бобби прижалась щекой к щеке. Тепло тел утешало больше, чем ей бы хотелось.

– Ах ты черт, – заговорила Бобби, – как славно снова тебя увидеть!

Разорвав объятия, они перебрались за стол. Их ждали бутылка виски и три стакана – явная и верная примета дурных новостей. Поднять тост, почтить память очередной потери. Наоми спросила взглядом.

– Ты же знаешь, Авасарала, – ответил ей Алекс.

За волной облегчения пришел стыд за него. Умерла Авасарала, и только.

– Знаю.

Бобби налила всем и подняла стакан.

– Черт, что за женщина была. Нам таких уже не видать.

Они соприкоснулись стаканами. Наоми выпила.

Авасарала – большая потеря, и для Бобби, наверное, тяжелее, чем для других. И все же они пока оплакивали не Амоса. И не Джима.

– Ну, – заговорила Бобби, поставив стакан, – как живется тайному генералу сопротивления?

– Мне больше нравится «тайный дипломат», – поправила Наоми. – А живется не первый сорт.

– Постойте-постойте, – вмешался Алекс. – Что за разговоры без еды. Без обеда не бывает семьи.

Меню ресторана составляло приятное сочетание астерско-марсианской кухни. Нечто под названием «белый концентрат» имело отношение к настоящему, но с добавлением свежих овощей и пророщенных бобов. Круги выращенной в чашках Петри свино-говядины поливали сладковатым острым соусом.

Они навалились на еду, как бывало на «Росинанте» в прежних воплощениях. Наоми только сейчас поняла, как соскучилась по смеху Бобби, по привычке Алекса украдкой подкладывать ей на пустующую тарелку лишний кусочек. Близость, возникающая, когда десятилетиями живешь с кем-то бок о бок. А потом не живешь. Она бы загрустила, если бы не радость, что сейчас эти двое с ней.

– «Предштурмовой» полностью обеспечен командой, – рассказывала Бобби. – Я немножко беспокоилась, что будут сплошь астеры. То есть у Сабы их больше всего в запасе. Два ветерана марсианского флота во главе команды, зовущей нас внутряками?

– Могло стать проблемой, – согласилась Наоми.

– Саба заполнил всю ведомость ветеранами ООН и Марсианской республики, – сказал Алекс. – И молодежь тоже есть. Забавно, я в их возрасте уже свое отслужил. А выглядят детишками, понимаешь. Чистые, серьезные личики.

– Знаю, – засмеялась Наоми. – Мне теперь кажутся детьми все, кто моложе сорока.

– Дело они знают, – заметила Бобби. – Я все время стоянок занимаю симуляторами и учениями.

– Случилась пара драк, – сказал Алекс.

– Нервы шалят, – отмахнулась Бобби. – На задании все это дерьмо испаряется.

Наоми сунула в рот еще кусочек концентрата – чтобы не хмуриться. Не помогло. Алекс откашлялся и заговорил, меняя тему:

– Вестей от нашего громилы, надо думать, так и нет?

Два года назад Саба углядел шанс провезти на Лаконию агента с карманной атомной бомбой и шифрующим приемо-передатчиком. С дальним прицелом вернуть Джима или покончить с властью Лаконии, лишив ее головы. Саба спросил Наоми, кому бы та доверила такое важное дело. Такое опасное. Амос, услышав, в тот же час собрал чемоданы. С тех пор Лакония выстроила новую оборону. Подполье потеряло большую часть агентов в Лаконской системе, и Амос замолчал.

Наоми покачала головой:

– Пока не было.

– А, что там, – сказал Алекс. – Может, скоро будут.

– Может, – согласилась Наоми, как всегда в подобных разговорах.

– Кофе хотите? – спросил Алекс.

Бобби мотнула головой, Наоми одновременно сказала:

«Я – нет», – и Алекс лениво поднялся:

– Пойду тогда устраиваться.

Когда дверь за ним закрылась, Наоми подалась вперед. Ей хотелось продлить этот момент – воссоединение семьи. Луч света в темноте. Но было нельзя.

– Затея с «Предштормовым» в системе Сол чертовски рискованная, – заговорила она.

– Серьезный риск привлечь к себе внимание, – признала Бобби, не желая встречаться с ней взглядом. Говорила она легко, но в тоне звучало предостережение. – Зависит не только от меня, понимаешь?

– Саба.

– И другие.

– Я все думаю про Авасаралу, – сказала Наоми. В бутылке еще остался виски, и она налила себе на палец. – Вот она была – боец. Не отступала, даже если проигрывала.

– Она была такая, – согласилась Бобби.

– Боец, но не воин. Она возглавляла борьбу, но находила другие средства, кроме войны. Союзы, политическое давление, торговля, логистика. В ее стратегии насилие стояло последним в очереди.

– У нее были рычаги, – напомнила Бобби. – Целая планета в подчинении. А мы – стая крыс в поисках трещины в бетоне. Нам приходится действовать по-другому.

– И у нас есть рычаги, – сказала Наоми. – Больше того, мы можем их создавать.

Бобби очень аккуратно отложила вилку. Глаза у нее потемнели, но не от гнева. Или не только от гнева.

– Лакония – военная диктатура. Если мы хотим, чтобы кто-то поднялся против Дуарте, людям надо показать, что это возможно. Военные действия демонстрируют, что есть надежда. Ты же астер, Наоми. Ты знаешь.

– Я знаю, что это средство не работает, – возразила Наоми. – Астеры поколениями воевали против внутренних планет.

– И победили, – сказала Бобби.

– Нет, не победили. Мы продержались, пока вмешательство со стороны не смело фигуры с доски. Ты вправду думаешь, что мы заполучили бы такой вот Союз перевозчиков, если бы не врата? Мы добились успеха только потому, что правила вдруг неожиданно переменились. А теперь действуем так, словно подобное может повториться.

– Мы действуем?

– Саба действует, – поправилась Наоми, – а ты его поддерживаешь.

Бобби откинулась назад, потянувшись так, как делала, когда ее что-то злило. При этом ее крупная фигура выглядела еще больше, но Наоми была не из тех, кого легко запугать.

– Я знаю, что тебе такой подход не нравится, и знаю, что ты была недовольна, потому что Саба не включил тебя в план, но...

– Не в том дело, – сказала Наоми.

– Никто не возражает против рычагов. Никто не отказывается использовать еще и политические методы. Но пацифизм не работает, если враг лишен совести. Лакония держится на дисциплине наказания, а я знаю... Нет, ты меня послушай. Я в этом понимаю, потому что на Марсе такие же традиции. Ты росла в Поясе, а я на Марсе. Ты говоришь, мой путь не ведет к победе? Ладно, предположим. А я тебе говорю, что с такими людьми мягкость не работает.

– И что нам тогда остается?

– То же, что и всегда, – сказала Бобби. – Делать все возможное и ждать неожиданностей. В нашу пользу то, что неожиданности рано или поздно случаются.

– Слабое утешение, – хихикнула Наоми, желая разрядить обстановку.

Бобби не приняла подачи:

– Да, потому что иногда неожиданностью оказывается, что мы теряем Клариссу и Холдена. Или Амоса. Или меня. Или Алекса. Или тебя. Но это неизбежно. Рано или поздно мы теряем друг друга, и это определилось, когда экипаж еще только собирался. Родиться – значит терять. Остальное – детали. В частности, я возглавляю сверхсекретную военную миссию в системе Сол, использую против врага захваченный у него корабль, потому что, даже если такой план плох, другого у меня нет. И, может быть, мой риск даст тебе твой рычаг.

«Все равно я не хочу, чтобы ты рисковала, – думала Наоми. – Слишком много я потеряла. Я больше не вынесу потерь».

Лицо Бобби смягчилось – самую малость. Может быть, она поняла. Знакомый мягкий стук в дверь словно назвал Алекса по имени. Глубоко вздохнув, Наоми заставила себя расслабиться. Не хватало только и ему испортить встречу.

Глава 3

Алекс

Бобби с Наоми опять взялись за свое. Когда вошел Алекс, они держались как ни в чем не бывало, но он видел, что дамы успели горячо поспорить. Наоми, как всегда, клонила голову, занавешивая глаза волосами, – переживала. Лицо Бобби было чуточку темнее обычного: разгорелось от волнения или гнева. Алекс прожил на одном корабле с Наоми десятилетия, а с Бобби – немногим меньше. Они ничего не могли скрыть друг от друга. Немножко обидно, что сейчас пытались, а значит, и ему придется притворяться.

– Все улажено, – сказал Алекс.

Бобби кивнула и забарабанила пальцами по столу. Наоми слабо улыбнулась сквозь занавеску волос.

Алекс побился бы об заклад, что они продолжали спор, начатый еще при отлете с Фригольда. Оставалось только делать вид, будто все в порядке. Благоразумный человек не лезет в драку между разъяренными хищниками, а встать между Наоми Нагатой и Бобби Драпер отказалась бы и самая тупая дубина. Можно и пальцев лишиться. Фигурально выражаясь, разумеется.

– Так, – начал Алекс, растянув слово, сколько позволяла вежливость.

– Да, – ответила Наоми. – Мне еще много надо успеть, прежде чем лезть в ящик.

Бобби кивнула, хотела что-то сказать, но передумала. В мгновение ока она пересекла разделявшее их расстояние и обхватила Наоми могучими руками. При таком же росте она была килограммов на сорок тяжелее Наоми. Выглядело это, как будто полярный медведь облапил вешалку. Но о драке речи не шло: женщины плакали и хлопали друг друга по спине.

– Хорошо, что повидались, – сказала Бобби, еще крепче обняв Наоми и оторвав ее от палубы.

– Я соскучилась, – ответила та. – По вам обоим. Слов нет, как соскучилась.

«По вам обоим» прозвучало как приглашение, и Алекс, придвинувшись, обнял обеих сразу. И тоже расплакался. Немного погодя, почувствовав, что пора, они разорвали объятия. Бобби вытерла глаза салфеткой, а Наоми словно не замечала полосок на щеках. Она улыбалась.

Алекс сообразил, что она впервые по-настоящему улыбается с тех пор, как Холдена увезли на Лаконию. И задумался, как же ей одиноко в грузовом контейнере, который перекидывают с корабля на корабль, со станции на станцию. Правда, решение принималось сообща, и все равно Алекса кольнула вина за то, что ее оставили одну. Просто Бобби нужен был пилот, а Наоми в ее роли блуждающего советника – не нужен. Да она и не хотела.

– Когда еще снова увидимся... – проговорила Бобби.

– Хотелось бы знать, – откликнулась Наоми. – Вы надолго в Сол, люди?

– Не мне решать.

Бобби пожалала плечами. Сейчас она сказала правду, но в любом случае ответ остался бы тем же. Никогда не знаешь, кто может услышать, и даже здесь, на базе Союза перевозчиков, в глубине бара, где собирались сторонники АВП, привычка к секретности не отпускала. Терминал Алекса, словно по команде, тревожно зажужжал. Пришла пора переводить «Предштормовой» на новый корабль. Не одна Наоми изображала горошину под наперстками, и ставки в этой игре у всех были высоки.

– Босс, мне надо проследить за передачей, – обратился Алекс к Бобби.

– Я с тобой, – отозвалась она и напоследок яростно обняла Наоми.

– Береги себя, старпом.

– Я теперь только тем и занимаюсь, – грустно улыбнулась Наоми.

Оставлять ее было неправильно. Каждый раз.

* * *

Алекс никогда не признался бы вслух, но «Предштормовой» пугал его до усрачки. «Росинант» навсегда остался первой любовью. Он – как подогнанный по руке инструмент: удобен, знаком, надежен. Грозный военный корабль был для Алекса домом. Он был правильным. И пилот по нему ужасно тосковал.

На «Предштормовом» он чувствовал себя как внутри неведомого зверя, который притворился сверхмощным гоночным судном, да еще позволил кому-то нагрузить себя безумной огневой мощью.

Полет на «Роси» представлялся ему сотрудничеством. Корабль был продолжением его воли – а полет на «Предштормовом» напоминал укрощение опасного животного. Садясь в кресло пилота, Алекс всякий раз опасался: не укусило бы.

Бобби со своими техниками прошла корабль от носа до кормы и заверила, что в конструкции нет ничего опасного для команды – во всяком случае, не больше, чем опасен для своей команды любой корабль. Алекса она не убедила. Управляя им, он не чувствовал, что «Предштормовой» отзывается на команды; казалось, он их истолковывает и соглашается с ними, но, черт его побери, сам принимает решения. Этим ощущением Алекс поделился только с одним человеком – своим вторым пилотом Каспаром Асау.

– То есть да, пожалуй, управление дает небольшой люфт, но вряд ли это означает, что корабль сопротивляется, – ответил Каспар, подозрительно покосившись на Алекса. И тот больше не поднимал этого вопроса. Но Алекс летал на космических кораблях много лет и что знал, то знал. За металлом, углеродом и непонятным кристаллическим дерьмом «Предштормового» крылось что-то еще. Пусть даже этого никто не видел.

И все же корабль был дьявольски прекрасен.

Алекс стоял у обзорного окошка, наблюдая, как судно бережно переводят из транспортного отсека прежнего доставщика в новый. Два массивных транспорта, зажавших «Предштормовой» между собой, терялись в тени здорового центрального хаба станции. Так было задумано, чтобы глыба станции прикрыла погрузку от всех известных подпольщикам телескопов и радарных установок правительства. С точки зрения Лаконской империи, просто два тяжелых грузовика ненадолго остановились у одного причала, сдали или приняли какой-то груз и разошлись каждый своей дорогой. Переход с одного похищенного у Лаконии военного корабля на другой не попадет в официальные отчеты и на видео. А «Предштормовой» и его команда будут свободно жить дальше и ждать боя. Если, конечно, они ничего не упустили из виду.

Поблескивающие металлом и хрусталем борта, казалось, сияли собственным светом даже в тени ущелья между транспортом и массивом станции. Вспыхивали и растворялись белые облачка перегретого газа из маневровых. В пилотской кабине работал Каспар, мягко и умело направляя лаконский истребитель из одного открытого грузового отсека в другой. Они не в первый раз играли в эту игру, и оба пилота наловчились маневрировать в весьма ограниченном пространстве.

Алекс, вспоминая военную службу, не уставал удивляться, что заговорщикам удается сохранить тайну. Через ворота они протаскивали краденый имперский корабль в чрево кораблей Союза перевозчиков. В это дело были непосредственно вовлечены десятки, если не сотни людей. И ничего, сходило с рук.

Бритва Оккама в применении почти к любым теориям заговора подсказывала, что люди – никудышные хранители секретов и при большом количестве участников риск проговориться растет по экспоненте. Но стараниями бывших сторонников АВП из Союза перевозчиков они

прятались и подглядывали не первый месяц – и все еще не попались. Это доказывало, что за последнюю пару столетий сопротивление вошло в кровь и плоть астеров. У них в ДНК было запрограммировано скрывать мятеж от превосходящих сил противника.

Алекс, двадцать лет отслуживший на марсианском военном корабле, а потом воевавший еще со Свободным флотом, не раз выслеживал самых ярых радикалов. Тогда астерские способности к подрывной и партизанской войне его зачастую бесили. Теперь – буквально спасали ему жизнь.

Алекс не взялся бы сказать, видит ли в этом иронию. Забавно, пожалуй.

«Предштормовой» закончил пристегиваться к новому носителю. Им стал по-коровьи неуклюжий грузовик с очертаниями разжиревшей пули, а назывался он «Ковчег-маятник». Люк его задвинулся и закрылся на замок, заставив палубу слегка вздрогнуть. Двойная дверь, превосходящая размерами истребитель, – основательная масса.

Алекс достал терминал и установил связь с Бобби.

– Малютку запеленали. Ждем только твоего слова.

– Принято, – отозвалась она и обрубилась связь. Она занималась последними приготовлениями где-то на станции.

Цепочка шептунов Сабы не открыла им суть миссии к Сол, но Бобби без устали гоняла свои войска по всем параметрам, подготавливая их к любым, даже самым гнусным вариантам. Алекс без особого доверия смотрел, как она, получив мешок старых астерских инсургентов, запихала их в боевые скафандры лаконских десантников и взялась превращать в подпольную ударную группу. Но, черт побери, ей это удалось! Они уже провели три разные операции – со стопроцентным успехом и нулевыми потерями.

Как ни грозна была старушка Драпер прежде, но, взявшись обучать собственную армию, она нагнала еще больше страха.

Наверняка со временем это станет новым вариантом нормы. Повторять фокус с исчезающей картой, пряча «Предштормовой» на грузовых кораблях, ждать от Сабы, Наоми и подполья новых целей атаки. Алекс сам не знал, когда это произошло. Но сейчас он опять чувствовал себя шофером в автобусе – как целую жизнь назад во флоте МРК. Каждый день грозил пленом или смертью. Каждое задание отправляло Бобби с командой в лаконскую мясорубку. Успехи успехами, но они балансировали на лезвии бритвы. В двадцать лет, когда человек уверен в своем бессмертии, Алекс был бы в восторге.

Отвернувшись от обзорного окна, он поднял с пола сумку. Уже на ходу услышал кваканье терминала.

– Закреплен и обесточен, – доложил Каспар. – Я проследил. Изящно проделано. Канонирша гоняет солдат, и я направляюсь туда же. Сдаю корабль. – Принимаю.

* * *

Коридоры перевалочной базы были чисто функциональными. Гладкие стены из серой керамики и настил полов, смягченный ровно настолько, чтобы никто не вывихнул бедро при одной трети *g* в жилом кольце. Протащившись с полкилометра по такому коридору, Алекс постучался в дверь с табличкой «Склад 348–001». Пожилой астер, выглянув в щелку, осмотрел коридор. Седеющие волосы он стриг под военный ежик, цвет пустых серых глаз точно подходил к волосам. Алекс заметил тяжелый черный пистолет, который тот прикрывал бедром, проверяя, все ли чисто в коридоре. Звали астера Такеши Оба, он был из числа головорезов Бобби.

– Все чисто, – улыбнулся Алекс, и Оба, брюзгливо хмыкнув, впустил его.

За дверью скрывалась пустая комната пять на десять метров, с такими же, как в коридорах, гладкими керамическими стенами. Команда Бобби, стоявшая вольным строем, слушала ее обращение. Бобби чуть заметно кивнула вошедшему Алексу, но речи не перервала.

– Зарубите на носу, – говорила она, – мы впервые действуем в таком опасном месте, как система Сол. По уровню угрозы для таких тайных операций, как наши, она уступает только Лаконии. Там чуть не каждый булыжник и глыба льда размером с десантный транспорт снабжены станцией, телескопом или радаром. Там повсюду глаза.

Строй отозвался ропотом, Алекс не понял – недовольным или согласным.

– А флоты коалиции Земля – Марс, – продолжала Бобби, – полностью контролируются Лаконией. То есть сравнительно малая обеспеченность Лаконии кораблями – что до сих пор давало нам свободу действий – там не поможет. Хуже того, Лакония оставила дредноут «Сердце Бури» на земной орбите. В первую очередь, чтобы держать в повиновении внутренние планеты, но, если корабль заметит нас, нам достанется по первое число. «Предштормовой» не выживет в столкновении с кораблем класса «Магнетар». Конец истории.

– А про цель ничего пока не слышно? – спросила Джиллиан Хьюстон.

Дочь губернатора Фригольда Пэйна Хьюстона первой вступила добровольцем в команду Бобби. Это была высокая голенастая девушка с мускулатурой и строением скелета урожденной землянки и вечной хмурой морщиной между бровей. За время совместной работы она стала негласной заместительницей Бобби. Алекса это беспокоило. Джиллиан была ядовитой, как змея. Бобби, когда он с ней об этом заговорил, ответила, что мышей им хватит на всю жизнь. Он так до конца и не понял, что она хотела сказать.

– Нет. Ребята наверху держат секреты за пазухой, – ответила Бобби. – Я подозреваю, что, пока не начнем, не узнаем.

– Потрясающе, – сказала Джиллиан.

– «Предштормовой» на месте, и через тридцать часов «Маятник» отбывает в систему, – продолжала Бобби. – Наслаждайтесь жизнью в «Родительском доме», но на корабле чтобы все были вовремя и в должном порядке ровно через двадцать четыре часа, или ваши задницы сведут неприятное знакомство с моим башмаком.

Строй ответил ей добродушными смешками.

– Свободны.

Несколько секунд сутолоки, и Бобби с Джиллиан и Алексом остались в комнате втроем. Бобби так и не сняла неприметного комбинезона, в котором встречалась с Наоми, а на Джиллиан был черный спортивный костюм – ударная группа Бобби выбрала его неофициальной формой полка. И еще кобура с большим пистолетом, без него Алекс ее ни разу не видел. Фригольдерам оружие было так же привычно, как штаны.

– Не нравится мне, что Саба морочит нам головы, – заговорила Джиллиан. – Охрененно похоже на импровизацию.

– Тому, что подробности задания еще не определены, может найтись множество законных причин, – вежливо, но твердо возразила Бобби. – Понимаю твою озабоченность, но мы с самого начала подписались на «что бы там ни было, а сделаем».

– Наверняка Каллисто, – продолжала Джиллиан, словно не расслышав мягкого предостережения в тоне Бобби. – Только она чего-то стоит и притом достаточно далека от чертова дредноута, чтобы реально было достать.

Бобби придвинулась к ней на полшага и распрямилась, подчеркивая разницу в росте. Джиллиан замолкла, но и не подумала пятиться. «Змея змеей, да еще со здоровенными медными яйцами», – подумал Алекс.

– Подобные гипотезы непродуктивны. И, откровенно говоря, опасны, – сказала Бобби. – Держи их при себе. Ступай, выпей раз или пять. Затей в баре драку, если тебе без этого никак. Так или иначе, облегчи организм и возвращайся завтра на «Предштормовой». К тому времени мы будем знать больше. Свободна!

Джиллиан как будто поняла наконец намек. Полунасмешливо отсалютовав Бобби, она вылетела за дверь.

Алекс открыл было рот, но Бобби ткнула в него пальцем:

– Промолчи на фиг.

– Слушаюсь, – отозвался он и заговорил о другом: – Еще день на станции, а заняться нечем. Жаль, что Наоми нет. С ней не только жевать проклятый концентрат хорошо.

– У нее своя работа, – сказала Бобби. Ее поджатые губы побелели.

– Ну, – осведомился Алекс, – ты сама скажешь, что там между вами вышло, или выбивать из тебя ответ?

От неожиданности у Бобби вырвался лающий смешок – на что Алекс и рассчитывал. С тем же успехом чихуахуа мог бы угрожать многоэтажному дому, и Алекс усмехнулся, подтверждая, что шутит. Бобби вздохнула.

– Она до сих пор считает, что можно обойтись переговорами. Тут мы с ней не сходимся. То же дерьмо не первый год.

– Она много потеряла, – напомнил Алекс. – И боится потерять все.

Бобби ухватила Алекса за плечо, дружески встряхнула:

– Вот это я и пытаюсь ей втолковать, друг. В такой войне, если ты не готов потерять все ради победы, потеряешь все, потому что проиграешь.

Глава 4

Тереза

– Мы не знаем, как они себя называли, – говорил полковник Илич, растянувшись на траве и подложив ладони под лысый затылок. – Мы даже не знаем, были ли у них названия. Они могли вообще обходиться без языка.

Тереза знала полковника Илича всю жизнь. Он был частью ее вселенной, как вода или звезды. В ее жизни, до краев полной холодных заботливых людей, он воплощал собой холодное внимание. С одним отличием: его внимание полностью принадлежало ей. И еще – он ее не боялся. Девочка шевельнулась, потянулась.

– Кое-кто называет их протомолекулой, хотя она была всего лишь изготовленным ими инструментом. Это все равно, что называть людей гаечными ключами. «Создатели протомолекулы» ближе к истине, но на этом язык сломаешь. Еще говорят: «Исходный организм», или «Общество чужаков», или «Архитекторы». Подразумевая более или менее одно и то же.

– А вы их как называете? – спросила Тереза.

Полковник хмыкнул:

– Я их называю Римлянами.

Великая империя, возвысившаяся и павшая в древние времена, оставившая после себя дороги. Мысль была интересная. Тереза несколько секунд покрутила ее в голове, словно пробуя на вкус. Аналогия понравилась ей не точностью, а выразительностью. Тем и хороши аналогии.

Мысленно она нырнула в эту кроличью нору, осмотрелась, отметила, что в ней интересного, и решила спросить у Тимоти, как он считает. Он всегда удивлял ее неожиданным взглядом. За то она его и любила. И он ее боялся не больше, чем полковник Илич, только уважение Илича отдавало уважением к ее отцу и от этого... нет, не делалось меньше. Просто другим. А Тимоти принадлежал ей.

Тереза почувствовала, что молчание слишком затянулось. Илич, конечно, ждал ее слов, а о Тимоти говорить было нельзя. Она выбрала другое.

– Так это они все создали?

– Нет, не все. Врата, строительные платформы, ремонтные дроны. Артефакты, да... Но живые организмы существовали на планетах до них. Устойчивые репликаторы не так редки, как мы привыкли думать. Немного воды, немного углерода, постоянный приток энергии от звезды или термального источника... добавь несколько миллионов лет, и наверняка получишь какой-то результат.

– А иначе Римлянам не с чем было бы работать.

– Тысяча триста семьдесят три раза, насколько нам известно, это случилось, – сказал Илич. – Довольно много.

Колонизированные миры – в том числе и система Сол – были включены в сеть врат только потому, что на них существовала жизнь, пригодная для использования Римлянами. Несколько сотен систем в галактике, где их миллиарды. Илич принадлежал к поколению, когда все, что больше одного, представлялось чудом. Тереза, в отличие от старого полковника, росла не в единственном мире. Одиночество ее мира было другим, несравнимым. Закрыв глаза, девочка подставила лицо солнцу. Тепло ласкало кожу. Свет, пронизав веки, окрасил все алым цветом. Термоядерная реакция в крови. Она улыбнулась.

Тереза Анжелика Мария Бланкита Ли и Дуарте знала, что она не обычный ребенок, – как знала, что свет, отражаясь от наклонной поверхности, поляризуется. Довольно бесполезный научный факт. Она была единственной дочерью верховного консула Дуарте, а это само по себе означало странное детство. Она всю жизнь провела в пределах – или, очень редко и

мимолетно, вблизи – здания государственного совета Лаконии. Сюда, едва она начала ползать, доставляли других детей, товарищей для игр и учебы. Обычно из выдающихся семей империи, но не всегда, потому что отец стремился знакомить ее с разными людьми. Он хотел, чтобы она, насколько то было для нее возможно, жила нормальной жизнью. И сближалась, насколько возможно, с нормальными четырнадцатилетними подростками. Получилось то, что получилось, но, не зная ничего другого, Тереза не могла судить, насколько успешным был результат.

Терезе казалось, что ее окружают скорее дружелюбные знакомые, чем настоящие друзья. Лучше всего обращались с ней Мьюриэль Купер и Шан Эллисон – во всяком случае, они относились к ней почти так же, как и к другим сверстникам. И еще был Коннор Вейгель, учившийся с ней почти с самого начала школы. Он занимал в сердце Терезы особое место, которое она странным образом таила сама от себя.

Если она и одинока – а Тереза подозревала, что да, – сравнивать ей было не с чем. Если всё на свете красного цвета, об этом никто не знает. То, что видишь повсюду, так же невидимо, как то, чего нет. Мы замечаем только контраст. Свет создает темноту. Полнота создает пустоту. Границы одиночества должны обозначаться чем-то, что называется не-одиночеством. Нужно сравнение.

Тереза гадала, не так ли с жизнью и смертью. Или хотя бы с жизнью и не-жизнью.

– Что их убило? – спросила она, открывая глаза. Все показалось ей голубым. – То есть ваших Римлян?

– А, это уже следующий шаг, верно? – сказал полковник Илич. – Разобраться и выстроить стратегию. Мы знаем: то, что их убило, еще существует. И наблюдаем его реакцию на наши действия.

– Та штука на «Буре», – согласилась Тереза. Она видела запись с обсуждением. Когда адмирал Трехо впервые применил главное оружие кораблей класса «Магнетар» в нормальном пространстве, что-то на несколько минут отключило сознание людей по всей системе Сол и оставило на корабле визуальное искажение, привязанное к его системе отсчета. Как следствие, Джеймс Холден оказался во дворце – и этот аспект происшедшего значил для нее больше всего.

– Именно так, – сказал Илич. Он перевернулся на живот и подпер ладонью подбородок, чтобы видеть ее. Взглядом в глаза он обозначал важность своих слов. – Это самая серьезная угроза нашему обществу. Римляне погибли или потому, что неожиданно для себя столкнулись с некой природной силой, или потому, что их убил враг.

Именно это нам следует выяснить в первую очередь.

– Как? – спросила она.

– Мы не знаем, как они убили Римлян. Мы еще только начинаем понимать, что они представляли собой в сравнении с нами.

– Нет, я хотела спросить, как выяснить, враг это был или природная сила?

Полковник Илич кивнул, одобряя вопрос. Достав наладонник, он несколько раз стукнул по нему пальцем, вывел таблицу.

	Тереза сотрудничает	Тереза отказывается
Джейсон сотрудничает	T3, Дж3	T4, Дж0
Джейсон отказывается	T0, Дж4	T2, Дж2

– Дилемма заключенных, – узнала девочка.

– Помнишь, о чем речь?

– Мы оба, не сговариваясь, решаем, сотрудничать или отказаться. Если оба сотрудничаем, получаем по три очка.

Если сотрудничает один, он не получает очков, а отказавшийся получает четыре. Если отказываются оба, получают по два. Штука в том, что, независимо от вашего выбора, мне выгоднее отказаться. Я получу четыре вместо трех, если вы сотрудничаете, и два вместо нуля, если отказываетесь. Поэтому мне всегда следует отказываться. Но, поскольку то же самое относится и к вам, вам тоже следует всегда отказываться. При том, что оба мы получили бы больше очков, если бы сотрудничали.

– И что же делать?

– Ничего. Это как с фразой: «Данное утверждение ложно». Логическая дыра, – сказала Тереза. – В смысле... разве не так?

– Не так, если игра повторяется более одного раза, – сказал полковник Илич. – Если играть достаточно долгое время... всякий раз, когда другой игрок отказывается, ты отказываешься в следующем туре. После чего возвращаешься к сотрудничеству. Это называется око за око. Если хочешь, я могу показать тебе теоретический анализ игры, но можно и без него.

Тереза кивнула, хотя и с заминкой. В голове сгустился туман – так всегда бывало, когда она задумывалась о чем-то, не зная точно о чем. Обычно вскоре после этого появлялось что-то интересное. Девочка любила это чувство.

– Вспомни, как ты учила Ондатру, когда она была щенком, – продолжал Илич. – Щенок напустил лужу – ты его бранишь. Но не ссоришься с ним навсегда. Выбранила за то, что случилось, и снова играешь, ласкаешь, возишься с ним. Отказ за отказ, а потом снова сотрудничество.

– Пока он тоже не сообразит, что эта стратегия лучше, – поняла Тереза.

– И тогда он изменит свое поведение. Это самый примитивный, простейший способ общения, если невозможны переговоры. Но попробуй обращаться так с приливом.

Наказать волну за то, что она намочила ковер?

Тереза поморщилась.

– Вот именно, – подхватил полковник Илич, словно услышал ее ответ. – Нет смысла бранить прилив. Ему все равно. Он не учится. И, главное, он не меняется. Твой отец собирается вести игру «око за око» с той силой, что убила Римлян. Посмотрим, изменит ли она свое поведение. Если нет, примем гипотезу, что Римляне столкнулись с силой природы вроде создающей приливы гравитации или скорости света. Тогда ее можно изучать, искать способы ее обойти. А вот если она изменится... – Мы поймем, что она живая.

– Между изучением и переговорами есть разница, – согласился полковник Илич, указывая на нее.

Девочка расцвела, как всегда радуясь, что сумела решить заковыристую задачу, но все же что-то ее глодало.

– Но оно убило Римлян.

– Война – тоже своего рода переговоры.

* * *

Комнаты Терезы располагались в северном крыле здания государственного совета, рядом с комнатами отца. Другого дома у нее не было. Спальня по армейской спецификации, отдельная ванная и бывшая детская, ставшая теперь кабинетом, для чего потребовались в основном косметические изменения. Созрев для того, чтобы содрать со стен мультяшных динозавриков и щенков, Тереза сказала об этом, и на следующий день явился дизайнер, чтобы помочь ей

выбрать новую цветовую гамму и обстановку. Ее уголок здания не отличался ни величиной, ни торжественностью, зато его она могла осваивать и приспосабливать к себе. Личный пузырек автономии.

Она решила декорировать кабинет под исследовательскую станцию. Высокий стол позволял работать за ним стоя, хотя были и длинноногие табуретки на случай, если захочется сесть. В восточную стену вмонтировали экран, на котором, когда она не смотрела новости или развлекательные программы, гоняли анимации простеньких математических и геометрических доказательств. Не то чтобы она хорошо разбиралась во всей этой математике, но выглядело, как ей казалось, симпатично. Доказательства смотрелись изящно и лишний раз напоминали о ее интеллекте. Она любила вспоминать о своем интеллекте.

Была там и кушетка, позволявшая вытянуться во весь рост и еще оставить место для свернувшегося в ногах лабрадора Ондатры. И окно с настоящим стеклом, выходившее в сад для церемоний. Если Тереза не была занята в классе или с полковником Иличем, она целыми днями валялась на кушетке с Ондатрой, читала или часами смотрела кино. У нее был доступ ко всему, одобренному цензурой, – отец не ограничивал ее в выборе книг и фильмов, и она все чаще выбирала истории одиноких девочек, живущих в замках, дворцах или храмах. Книг столь специфического жанра оказалось на удивление много.

Сейчас любимым фильмом стал у нее десятичасовой сериал, снятый на Марсе еще до открытия врат, – «Пятый тоннель». Героиня – двенадцатилетняя, теперь младше Терезы, хотя была старше, когда та впервые посмотрела фильм, – открыла тайный ход под городом под названием Иннис-Дип и пробралась по нему в подземный мир эльфов и сказочных созданий, нуждавшихся в помощи, чтобы вернуться в свое измерение.

Экзотики там было полным-полно, а сама мысль о девочке, которая всю жизнь провела под землей, так захватила воображение, что Тереза занавесила окна одеялом и играла, будто вокруг темнота марсианского грунта. Узнав от отца, что фильм в этой части правдив: Иннис-Дип действительно существовал, марсианские дети жили в тоннелях и подземных городах, а придуманы только эльфы и фэйри, – она поразилась до глубины души.

Она пересматривала этот фильм, когда к ней зашел отец. Как раз добралась до места, где девочка – ее ни разу не назвали по имени – спасалась по темному ходу от злого фэйри Снотвора, когда в дверь постучали. Не успела она ответить, дверь отворилась. Так делал только отец.

Остальные ждали, пока она откроет.

Терапия последних лет изменила его, но и Тереза менялась с возрастом. И не видела в этом ничего удивительного или пугающего. Белки глаз у него стали переливчатыми, как масляная пленка на воде, ногти у кутикулы потемнели, но это только внешнее. Во всем, что было важно для Терезы, отец остался прежним.

– Я не помешал? – по обыкновению спросил он. Наполовину в шутку, потому что она ничем таким не занималась. Но только наполовину. Если бы она однажды ответила «помешал», он бы оставил ее в покое.

Безымянная девочка взвизгнула – Снотвор бросился на нее. Тереза поставила видео на паузу, и жертва с хищником застыли. Ондатра пыхтела, стуча хвостом по кушетке, а отец трепал ее широкое ухо.

– Через два часа у меня совещание, – сказал он. – Хотелось бы, чтобы ты присутствовала.

Терезу уколола досада. Она собиралась, досмотрев передачу, сходить к Тимоти. Если они прознали, что она без разрешения покидает территорию... – Я что-то сделала не так?

Отец моргнул и тут же рассмеялся. Ондатра пихнула головой его ладонь, требуя внимания. И добилась, чтобы ей снова стали чесать за ухом.

– Нет, ничего подобного. Обсуждается доклад адмирала Вайса относительно планов расширения комплекса Бара Гаон. Предложений от тебя не ожидают, но тебе будет интересно послушать. А потом мы можем это обсудить.

Тереза кивнула. Конечно, можно пойти, если он так хочет, хотя ей это виделось скучным. И странным. Взгляд отца вдруг расфокусировался, как иногда бывало, и он тряхнул головой, словно разгоняя туман. Он опирался на спинку кушетки: не то чтобы сидел, но и не стоял. Пару раз решительно хлопнул Ондатру по голове, показывая, что ласкам конец. Собака вздохнула и уронила голову на подушку.

– Тебя что-то тревожит, – сказал отец.

– Ты все чаще меня зовешь, – объяснила Тереза. – Я что-то не так делаю?

Его ласковый смешок немного успокоил девочку.

– В твои годы я добивался, чтобы меня приняли в Верхний университет, не дожидаясь положенного возраста. Ты похожа на меня. Быстро учишься, а мне не хотелось бы от тебя отставать. Я стал приглашать тебя чаще, потому что ты уже достаточно взрослая, чтобы разбираться в недетских вопросах. И полковник Илич говорит, что ты не отстаешь от программы. Даже обгоняешь ее.

Эти слова отозвались в ней слабой вспышкой гордости, но и смутили тоже.

Отец вздохнул.

– Забота о безопасности людей – трудная работа, – сказал он. – Отчасти потому, что мы столкнулись с очень опасными и неизвестными вещами. Как бы я об этом ни жалел, обратного пути нет. И еще беда в том, что работать приходится с людьми.

– А люди – ужасные, ужасные обезьяны, – подсказала Тереза.

– Так и есть, – ответил отец. – У нас очень узкий кругозор – почти всегда. И у меня в том числе. Я стараюсь исправиться.

В его голосе прозвучала усталость. Тереза подалась вперед, так что Ондатра решила: хозяйка ищет, кого бы приласкать. Она подвинулась, горячодохнула в лицо Терезе, но та нежно отстранила собаку.

– Значит, расширение комплекса Бара Гаон очень важно?

– Важно все. Все, что мы делаем, – отрезал отец. – И нужно, чтобы неудача в какой-либо части не обрушила весь проект. Это и меня касается. Потому я и зову тебя на совещания так часто.

– Ты о чем? – спросила она.

– Со мной все в порядке, – сказал отец. – Все вообще в порядке. Никаких проблем. Просто... если они появятся, не сейчас, через десятки лет, нужно, чтобы кто-то представлял себе общую картину замысла и мог взять его на себя. А люди доверяют тому, что им знакомо. Смена верховного консула в любом случае будет трудной, но все пройдет легче, если за новым уже будет что-то стоять. Нужна преемственность. Я готовлю тебя на случай, если – боже сохрани – со мной что-то произойдет.

– Разве то, что ты хорошо справлялся, означает, что справлюсь и я? – спросила Тереза. – Это ничем не доказано. Просто глупо.

– Да, – согласился отец. – Подобная ошибка повторялась во всей человеческой истории. Но, зная об этом, мы с тобой можем использовать ее как орудие. Приходи на собрания и совещания. Слушай, наблюдай. Обсуждай потом со мной. Это новая ступень твоего образования. Чтобы, если тебе придется меня сменить, ты стала таким лидером, какой будет нужен.

Чтобы осознать смысл его слов, ей понадобилось несколько секунд. Великие моменты должны бы обставляться более торжественно и эффектно. Важные слова – слова, которые меняют жизнь, – должны отзываться эхом.

А тут ничего такого. Они прозвучали как любые другие.

– Ты учишь меня на нового верховного консула?

- На случай, если со мной что-то произойдет, – уточнил Дуарте.
- На случай, – повторила она. – Всего лишь на случай.
- На всякий случай, принцесса, – сказал он.

Глава 5

Элви

Несколько десятков лет назад за двести тысяч триллионов километров от места, где находилась сейчас Элви, крошечный узел активной протомолекулы в биологической матрице проник на орбиту планеты под названием Илос верхом на корабле «Росинант».

Немыслимый полумразумный интеллект протомолекулы попытался наладить связь с другими узлами давно погибшей империи строителей врат и пробудил при этом механизмы, вставшие в спячку миллионы – или миллиарды – лет назад. В результате древняя фабрика воскресла, роботы начали активное наступление, одна из искусственных лун расплавилась, а взрыв энергостанции чуть не расколол планету пополам.

В общем, погано вышло.

Поэтому, когда команда Элви выпускала катализатор из заключения для немногим более контролируемого поиска чужих артефактов и следов в неразведанных системах, она принимала все меры предосторожности. Они наблюдали в полной готовности загнать катализатор обратно в коробку и ни к чему не приближались.

– «Сокол» на позиции, – сообщил пилот.

Если дела обернутся совсем ужасно, Сагали или сама Элви отдадут единственный устный приказ: «Аварийная эвакуация», – подтвердив его своим именем и цифровым кодом авторизации, – и корабль рванет прочь. С его не по росту огромными двигателями ускорение убьет или покалечит всех, кто не окажется в сделанных по спецпроекту амортизаторах, зато собранные данные не погибнут. Лакония предусматривала много подобных способов предохранения. Элви не любила эту часть своей работы.

– Благодарю вас, лейтенант, – отозвался адмирал Сагали. Он тоже был пристегнут к амортизатору в рубке, что еще раз доказывало, как серьезно все относится к этой стадии миссии. – Майор Окойе, вы можете продолжать.

– Выводите ее, – приказала по коммуникатору Элви.

В таких ситуациях всегда вспоминали, что это «она».

Элви сидела в новейшем лаконском амортизаторе в окружении экранов. Рабочие инструменты можно было убрать в одну секунду, и чуть больше требовалось, чтобы наполнить амортизатор пригодной для дыхания антиперегрузочной жидкостью. Элви принадлежала к немногим, кого считали нужным сохранить живыми. Ей казалось, что работать приходится в брюхе торпеды. И этого она тоже терпеть не могла.

На одном экране камера отслеживала движение катализатора – ее на утыканной датчиками спецкаталке вывозили из хранилища. Связь протомолекулы была двухсторонней. Происходящее с образцом не менее важно, чем происходящее в мертвой системе, которую они пытались активировать.

Каталка с катализатором двигалась на магнитном шасси к отделению в корабельной обшивке, прочь от антирадиационной защиты и остальной высокотехнологичной магии, которой группа Кортасара изолировала образец от других существующих за вратами.

Ничего не менялось.

– Пока никакой реакции, – сказал Травон.

– Да ну, неужели? – не скрывая сарказма, отозвался Фаиз.

Травон предпочел его не слышать.

Связь протомолекулы превышала скорость света, но запускалась она не мгновенно. Местоположение для нее ничего не значило, а вот скорость света – да. Элви подозревала, что вначале происходило некое укладывающееся в пределы световой рукопожатие, при котором

два узла договаривались, какой протокол связи использовать. Наполовину догадка, наполовину метафора, но эта гипотеза помогала ей рассуждать.

Ее образец был родом из лабораторных боксов Кортасара. До недавнего времени его не существовало. То, с чем они пытались взаимодействовать, ожидало здесь с тех пор, как две амебы сошлись и задумали человечество. Однако оказавшись в физической близости – например, в одной солнечной системе, – они на лету завязывали какие-то отношения. Это было и жутко, и удивительно. И не похоже на квантовую запутанность, хотя она в этом и замешана.

Изучая протомолекулу и создавшую ее цивилизацию, Элви не раз порадовалась, что она не физик. Биологическое действие протомолекулы оставалось непонятным, но все же обещало когда-нибудь проясниться. Механика захвата живых организмов и перестройки их в своих целях выглядела невероятно сложной, но в чем-то похожей на поведение вирусов и паразитических грибов. Элви еще не знала всех правил, но считала, что могла бы их выяснить, если бы ей дали время и средства.

То, что вытворяла протомолекула с физикой, выглядело уже не изменением и совершенствованием стандартных моделей – она попросту переворачивала доску и разбрасывала по полу все фигуры. Элви подозревала, что постоянные легкомысленные шуточки Джен Лавли помогают ей не сойти с ума, глядя, как день ото дня разлетается вдребезги ее понимание реальности.

– Есть реакция, – сказал Травон.

– Да, – согласилась Джен. – На объекте что-то происходит.

– Какая в этот раз была задержка? – поинтересовалась Элви.

– Восемнадцать минут.

Они находились в девяти световых минутах от структуры, так что идея с рукопожатием на околосветовой скорости правдоподобно подтверждалась. Стоило бы записать эту гипотезу и сдать в отдел наноинформатики.

Экраны Элви взбесились, их захлестнули данные с пакета датчиков образца. Анализировать их в реальном времени было невозможно, так что Элви просто пропустила мимо первую волну чисел и графиков. Потом будет время поразмыслить, что бы все это значило.

– Пока вроде бы стабильно, – сказал Травон.

– Всегда приятно, когда не взрывается сразу, – отозвалась Элви, но никого не сумела рассмешить.

– Знаете, почему этот алмаз зеленый? – подала голос Джен, ни к кому в особенности не обращаясь. – Я разобралась.

– Радиация, – сказал Фаиз. Он-то, конечно, знал. Он тоже был тогда на Илосе, в должности геолога. Сеть врат, обеспечившая Элви тринадцатью сотнями биосфер для изучения, дала Фаизу в десять раз больше геологических структур. Попадались и такие экзотические, как огромная глыба кристаллического углерода довольно приятного оттенка. – Алмаз, образующийся в присутствии радиации, приобретает зеленый цвет. Иногда такие принимали за изумруды. Но это совсем разные минералы. Изумруд – это берилл, а не углерод.

– Сорвал мне звездный выход, приятель, – буркнула Джен. – Но, быюсь об заклад, когда объект формировался, звезда была гораздо активнее. Исходя из скорости звездного распада, лет ему миллиардов пять. Эта штука висит здесь треть срока, понимаешь ли, существования вселенной.

– Тогда, получается, это старейший из найденных нами артефактов, – заинтересовался вдруг Травон. – Может быть, что-то от начала их цивилизации.

– Весьма любопытно, – заметил Сагали, выдавая нетерпение лишь резкостью тона. – Как оно действует?

«Как его действие поможет нам в борьбе против вурдалаков из-за пределов времени и пространства?» – вот что его интересовало. Бездонный бюджет экспедиции, сливки научного сообщества в команде, шедевр кораблестроительной техники – все это ради единственного

вопроса, который заботил верховного консула и его научный директорат. «Как нам остановить то, что пожирает проходящие сквозь врата корабли?»

– Не знаю, – сказала Элви. – Дайте посмотреть.

* * *

После восемнадцати часов сбора информации Элви ушла к себе в каюту. Она быстро уяснила, что военная дисциплина лаконцев не требует от людей работать без передышки. Дуарте добивался от каждого максимальной эффективности. Это подразумевало, что треть суток большинству приходится тратить на сон. Когда Элви выбралась из амортизатора, заявив, что ей, прежде чем приступить к анализу, надо отдохнуть, Сагали и глазом не моргнул.

Этот фокус она применяла, чтобы купить себе свободное время. Элви со студенческих лет научилась работать сутками напролет. С таблетками кофеина и горячим чаем могла при нужде продержаться и сорок восемь часов. Отказ от сна давал ей восемь-девять часов, когда Сагали не донимал ее вопросами о результатах и расписании.

Но, чтобы фокус работал, все должны были притворяться, будто она в это время спит, поэтому ворвавшийся к ней Фаиз предвещал что-то крупное.

– Оно сделало копию.

Элви не успела спросить, что сделало копию и копию чего, а он уже всплыл над обеденным столом посреди каюты и шмякнул на него терминал. Электромагнит под столешницей не дал терминалу улететь, зато Фаиза отдача легонько развернула к стене. Он был землянином по рождению и воспитанию, а те, сколько бы ни прожили в пространстве, не избавятся от инстинктивного расчета на гравитацию. Отплывая, Фаиз рывкнул столу:

– Покажи ей! Покажи... эту штуку. Открыть последний файл с волюметрией.

Над столом всплыла голографическая схема чего-то похожего на человеческий мозг. Он искрил вспышками синаптических связей, возможно, отображая функциональную МРТ или БИК-спектроскопию. Элви достаточно часто видела этот мозг, чтобы узнать – он принадлежал образцу. Бывшей женщине. Фаиз, долетев до переборки, толкнулся ногой и присоединился к Элви у стола.

– Сильная активность, – заметила Элви. – Но извлечение из бокса могло вызвать у нее стресс или психологический дискомфорт. Не так уж необычно.

– Здесь она – еще она, – покачал головой Фаиз, меняя картинку терминала. – А теперь посмотри сюда.

Возникло второе изображение. Элви в секунду разобралась, что видит копию мозговой активности катализатора, однако при полном отсутствии самого мозга.

– Не понимаю. Что это на втором?

– Это, – ухмыльнулся Фаиз, – исходит от объекта.

– Что, он целиком отражает ее мозговую активность? – Нет, локально.

Фаиз поиграл с настройками. Второе изображение отступило, дав место объекту целиком. На нем проступало крошечное белое пятнышко.

– Эта точка, конечно, не в масштабе. На таком расстоянии так выглядела бы Гренландия. Но примерно там лоцируется изображение.

Он еще постучал по терминалу, и изображение сменилось длинной цепочкой данных с сенсоров.

– Джен зафиксировала электромагнитные флуктуации на поверхности объекта. В сравнении, конечно, крошечные, но ведь объект абсолютно инертен, а на этом кораблике самые чувствительные датчики, какие можно купить за деньги галактического тирана.

– Ясно, – сказал Элви. – И как она считает, что это?

– Поначалу смотрелось просто как игра фотонов, пока Джен не свела их вот в эту схему. Никто не понял, что мы видим, пока Травон не сказал: «О, похоже на фМРТ». Я вывел мониторинг катализатора, и – ба-бах! – вот оно.

Элви была не против невесомости, но чего ей сейчас не доставало – это возможности рухнуть в кресло. От всплеска адреналина звенели пальцы на руках и немели ноги.

– Так они отображают друг друга?

– Как в зеркало глядятся.

– О-о, – протянула она и добавила: – Ясно. Неслабо.

– Дальше – больше, – сказал Фаиз. – Теперь мы по всей поверхности объекта наблюдаем точки горячего излучения. – Он дал приближение, и поверх картинки выплеснулась новая волна числовых данных. – Вот такие.

Он вопросительно смотрел на нее. Ждал, уловит ли связь. Элви казалась себе не такой уж усталой, но озарение, которого ждал от нее Фаиз, не приходило.

– Сдаюсь.

– Мы тоже не в первую минуту сообразили, – сказал Фаиз. И вывел третье изображение. Элви узнала кольцо-врата. – Такое же излучение выплескивается из врат при переходе.

Числа еще не выплыли на экран, а Элви уже поняла:

– Коррелирует с катализатором!

– Да. Мозг катализатора, алмазная копия и распределенные источники радиации, подобной излучению врат.

Три явления одного порядка, – подтвердил Фаиз.

Элви вернула изображение огромного зеленого бриллианта, установила так, чтобы видеть его целиком. Крошечные светящиеся звездочки загорались на нем и исчезали: компьютер отмечал пики излучения.

– Эта штука заполнена... вратами? Они что, встроены в материю самого объекта?

– У нас есть одна гипотеза, – сказал Фаиз. Так он ухмылялся, когда она впервые согласилась с ним переспать. Дурачок, но ей нравилось, что именно для него счастье. Понимание вещей. Она.

– Рано еще строить гипотезы, – сказала Элви.

– Знаю, но одна у нас все-таки есть. «У нас» – это у Травона, но мы все в одной лодке. Эта штука вступает в контакт с зараженным протомолекулой разумом, копирует его сознание, после чего по всему объекту появляются энергетические подписи врат. Травон заговорил о способах надежного хранения информации. Снимаешь копию на материальный носитель, кодируешь и распыляешь его. Помещаешь в отдельные места хранения, снабдив ярлыками и встроенными кодами, которые позволяют при утере части системы восстановить ее из распыленных фрагментов.

Элви, заметно лучше Фаиза разбиравшаяся в компьютерной грамоте, опешила.

– То есть совсем как?..

– Вот и Джен так говорит. Алмаз – это сверхплотная и невероятно регулярная упаковка атомов углерода. Если найти способ менять часть, не повреждая всей структуры, получается великолепный материал для хранения информации.

Элви помолчала, перебирая в уме следствия из этой гипотезы.

– Чем-то похоже на маленькие-маленькие червоточины, – сказала она.

– Правда? Насколько нам известно, строители протомолекулы представляли собой улье-вое сознание. Или единый мозг. Как ни называй. Мгновенная непространственная связь узлов и сущностей во всех уголках галактики. Но дерьмо случалось даже у них. Астероид врежется в планету, или землетрясение, извержение вулкана – мало ли что? Все, сохранявшееся только в одном узле, пропадает навсегда, если уничтожен этот узел. Что, если мы видим перед собой

резервный диск целой цивилизации? Все их знания, упакованные в углеродную решетку размером с Юпитер?

– Это, – объявила Элви, – охрененно гигантский логический скачок.

– Да, – кивнул он, все так же ухмыляясь до ушей. – Совершенно безосновательный. Чистая догадка. Чтобы ее подтвердить, нужен труд поколений ученых, и еще поколения уйдут на то, чтобы расколоть код и вытащить данные, если они существуют. Но, Элс, – продолжил он, задыхаясь от волнения, – что, *если*?

* * *

Адмирал Сагали плавал у своего стола, просматривая штурманские карты на большом настенном дисплее. Элви видела курс, проложенный от текущего местоположения через врата Калмы к перевалочному узлу, а от него через врата Текомы к следующему в их галактическом турне мертвому миру.

– Готов услышать, что эта система – важнейшее научное открытие всех времен, – не оборачиваясь, заговорил Сагали, когда Элви вплыла в его кабинет.

– Вполне может... – начала Элви.

– И большой хрустальный цветок в системе Нараки был важнейшим открытием.

– Это поразительный артефакт, – согласилась Элви, – но в сравнении...

– А до того – тройная звезда Харона и планета с дождями стеклянных осколков.

– Там было круто. Признайте сами, великолепное зрелище.

Он обернулся, целиком переключившись на нее.

– Я готов услышать – в который раз, – что артефакты этой системы критически важны для будущих исследований, – устало и даже разочарованно сказал он. – Точно как большой хрустальный цветок.

Элви подготовила для него доклад, и с каждым словом гипотеза Фаиза представлялась ей все более и более правдоподобной. Сагали слушал, прикрыв глаза. Когда она дошла до предположения, что под алмазной скорлупой может скрываться вся накопленная строителями врат информация, у него дернулся мускул на щеке, но ничем больше он не выдал удивления.

– Любопытно. Прошу вас записать эту гипотезу и включить в пакет данных, которые мы при переходе отошлем на Лаконию. Извините, что свалил это в одну кучу с цветочками и стеклянными дождями. В самом деле, впечатляет.

В его ворчливом извинении крылась капля яда, но Элви предпочла не обратить внимания.

– Сэр, – сказала она. – Нет! Возможно, это именно то, ради чего верховный консул организовал поиск. Вполне возможно.

– Нет, – ответил Сагали, но она не отступала.

– Я настоятельно советую связаться с адмиралтейством и запросить дополнительное время. Ожидая прибытия нового персонала и кораблей, мы успеем провести еще тысячи анализов. А если уйдем сейчас, ничего не выиграем.

– Вы полагаете, что, если я дам вам время, вы сумеете извлечь эти данные?

Элви очень хотелось солгать, лишь бы получить шанс задержаться еще немного, еще хоть что-то узнать, но...

– Нет, так я сказать не могу. На самом деле, это почти наверняка труд на десятилетия, если не на века. Если задача вообще разрешима. Но сейчас мы ближе всего к цели. На Текоме ничего более важного не будет. Это я, пожалуй, могу гарантировать.

– Тогда будем держаться графика и проверим, правы ли вы, – проговорил, уже отвернувшись, Сагали. – Закрепляйтесь. Через восемьдесят минут начинаем разгон к Текоме.

Через семьдесят восемь минут Элви лежала в амортизаторе, ожидая потопы.

В космических перелетах всегда – с самого начала – была проблема: человеческие тела слишком хрупки. Однако человечество гордо противостояло положенным природой пределам еще до Лаконии. Теперь же они преодолевались прыжками и скачками. Для «Сокола» время перелета из системы в систему свелось, если сравнивать с обычными исследовательскими и грузовыми судами гражданского флота, почти к нулю. Недельный путь они проходили за считанные дни. «Сокол» заставил бы попотеть в гонке даже большую часть военных кораблей Дуарте. Но за такую скорость приходилось платить амортизаторами полного погружения. Дьявольское устройство заливало человеческое тело поглощающим толчки гелем, а легкие наполняло кислородсодержащей жидкостью, препятствуя их схлопыванию под давлением. На целые дни.

– Не понимаю, чего он хочет, – сказала она.

– Он – человек сложный, – ответил из соседнего амортизатора Фаиз.

– Он словно не желает, чтобы мы нашли что-то интересное. Мрачнеет с каждой новой находкой.

– Ты приняла, что положено, перед ускорением?

– Да, – ответила она, хотя точно не помнила. Можно было обойтись и без медикаментов. – Сдается мне, у него своя программа, о которой нам не сообщали.

– У него почти наверняка своя программа, о которой нам не сообщали, – ответил Фаиз. – И неудивительно, Элс.

– Но важнее этого ничего и быть не может, – возразила она. – Ну вот что может быть важнее?

– Для него? Не знаю. Может, он просто не любит учиться. Детская травма от уроков естествознания. Десять секунд. Я люблю тебя, Элс.

– И я тебя люблю, – сказала она. – Помнится, раньше «сок» вгоняли иглой, а не заставляли им дышать. Тогда мне это не нравилось.

– Цена прогресса.

Не успела она придумать остроумного ответа, как влившаяся в легкие жидкость заставила ее замолчать.

Глава 6

Алекс

«Предштормовой» был подлинным шедевром лаконского кораблестроения. Первый из испытанных в полевых условиях кораблей своего класса, он задумывался как прототип целого флота быстроходных атакующих истребителей, способных патрулировать многочисленные системы сети врат и распространять власть Лаконии во все уголки империи. Килевая рельсовая пушка могла выбрасывать болванки весом три с половиной килограмма каждые пять секунд, разгоняя их до скорости, позволявшей пробить насквозь небольшую луну. Две торпедные батареи с четырьмя рельсами на каждую и скоростной системой перезарядки за семьдесят секунд после залпа своих восьми смертоносных рыбок были готовы к следующему. Со всех сторон корабль защищали двенадцать скорострельных орудий точечной обороны, расположенные так, что каждый сектор пространства простреливался по меньшей мере четырьмя из них. Второй пилот Алекса, Каспар, раз за разом повторял одну остроту: «Тысяча тонн неприятностей, уложенные в пятикилограммовый пакет».

Все это, спрятанное в огромном грузовом трюме «Маятника», оказывалось совершенно беззащитным.

У Алекса, сидящего на месте пилота, зудело под волосами от сознания, что, если кто-то узнает о них до стартового сигнала и откроет стрельбу, они даже на радаре этого не увидят. «Маятник» передавал им изображение со своих объективов, так что полностью они не ослепли, но «Маятник» был неповоротливый, тяжеловесный грузовик. Его система предупреждения служила в первую очередь для того, чтобы не влететь в какой-нибудь булыжник на дороге. Радар с низким разрешением и зернистые изображения с телескопов не очень-то успокаивали нервы.

– Так вы давненько с боссом, а? – спросил Каспар.

Он занимал второе пилотское кресло, позади и справа от места Алекса. Каспар Асау был маленький тощий пацан с вытатуированным на плече бегущим гепардом и слабым намеком на козлиную бородку. С виду он еще не дорос до этой работы, но пилотом оказался чертовски хорошим. Четко выполнял команды и был совершенно очаровательным в компании. Алекс быстро выяснил, что между ними нет ничего общего, кроме любви к полетам, так что, не считая небрежного обмена приветствиями, поговорить им случалось, только сидя за панелью управления «Предштормового».

Алекс ничего не имел против мальчика. Он помнил себя молодым пилотом – так же пытался скрыть нервозность, заводя болтовню со старшими офицерами.

– Да, мы со стрелком чертовски давно знакомы.

– Вот забавно. Она здесь капитан, а вы все зовете ее стрелком. Она в каком была звании? В смысле раньше, на Марсе.

– В каком-то была, – ответил Алекс. – Для меня она всегда будет стрелком.

Каспар за разговором прогонял предполетную рутину, тихонько постукивая пальцами по экранам. По монитору Алекса бежал отчет о работе систем – каждая отзывалась зеленым светом, после чего Каспар переходил к следующей, а окончательное добро давал Алекс. Второй пилот был внимателен и компетентен. Он серьезно относился к работе. И потому Алекс иногда мечтал добавить малышу лет тридцать – тогда можно было бы подружиться.

– Она не намекала, что за задание? – спросил Каспар, сбрасывая на экран Алексу инвентарный список боезапаса для повторной проверки.

– Двести болванок для рельсовой, восемьдесят рыбок для торпедных, все ПДС светятся зеленым, полный запас... – Алекс вел пальцем по списку на экране. – Нет, она действует по старинке. Рот на замке, чтобы народ усердней потел на учениях.

– Подтверждаю, двести для рельсовой, восемьдесят торпед, полный боезапас ОТО, зеленый по всей панели, – отчитался Каспар. – Все так, но, я подумал, раз вы друзья, она могла вам кое-что шепнуть.

– Нет, не шептала. А я и спрашивать не стал бы. Мы знаем все, что нам необходимо знать, и с меня хватит. – Закончив проверку, Алекс развернул свое кресло к Каспару. – Нервничать – это нормально.

Каспар кивнул. Похоже, он нисколько не стеснялся обсуждения своих страхов. И стал от этого еще немножко симпатичнее. Хороший паренек. Алекс надеялся, что он выживет в этом деле с Лаконией, хотя у всех у них шансов было немного.

– У меня на Палладе был парень. То есть не то чтобы мой. Мы всерьез не встречались, ничего такого. Просто, когда забрасывали груз на станцию, я всегда его находил. Бен Ю. Он мне нравился.

В уголок глаза у него наплыла слезинка, но скатиться на щеку при четвертной тяге «Маятника» ей было не суждено.

– Он не успел эвакуироваться?

– Не успел. – Каспар вытер глаза. – Рассказывали, «Буря» так быстро превратила станцию в осколки, что никто и не узнал об атаке. Наверное, если уж умирать, то это не худший способ.

– Сочувствую, – произнес Алекс. У каждого на «Предштормовом» были свои причины ненавидеть лаконцев. У каждого своя история. И нечего им сказать, кроме как «сочувствую». Довольно неуклюжий ответ.

– Если дело обернется круто, – сказал Каспар, снова отвернувшись к экранам, чтобы повторить проверку, – ты имей в виду. За меня не беспокойся. Если эта здоровенная сволочь, «Буря», двинет на нас, у меня одна мысль будет: как пробить в ней дыру.

– Знаю, дружище, – сказал Алекс и, прежде чем отвернуться, потрепал паренька по колену. – Не сомневаюсь.

– Камал? – прозвучал голос Бобби в том ухе, куда был вставлен шарик интеркома. Бобби звала его Камалом, только когда он был в кабине и не один. Это означало – пора.

– Камал на летной палубе, кэп, – отозвался Алекс, выпрямляясь в кресле-амортизаторе. По шипению шарниров за спиной он понял, что Каспар тоже подтянулся. На «Предштормовом» даже амортизаторы чем-то напоминали змей.

– Прошу отчитаться о готовности-неготовности, – говорила Бобби. – «Маятник» может нас выпустить, ждем только вас.

– На летной палубе зеленый свет, готовность по вашему приказу.

– Потрясающе, – заключила Бобби. – Ладно, ребятки, готовность доложена, говорит рубка. Слушайте хорошенько, повторять будет некогда.

* * *

Алекс терпеть не мог полета по баллистической. Без тяги ему оставались только возможности маневровых.

А без активных сенсоров он чувствовал себя одноглазым.

Для такого большого корабля «Предштормовой» давал слабое радарное эхо. Какие-то составляющие обшивки поглощали сигнал или отражали его под углом к излучателю. Кроме того, он способен был по несколько часов копить излишки тепла в прокладках и выпускать в поры своей шкуры водород, охлаждающий корпус почти до нулевой температуры. Если специально не искать, он выглядел лишь чуть-чуть теплее окружающего пространства, а на радаре

давал эхо-сигнал как от спальной койки. Алекс еще помнил, как снабженный такими же устройствами истребитель прикончил его старый корабль – «Кентербери». Как было страшно, когда торпедоносец вдруг возник из темноты и дал залп. Теперь это, как видно, обычное дело. А все же Алекс мог себе представить, что будут ощущать их потенциальные жертвы.

– Одна минута, – доложил Каспар.

На сочувствие не оставалось времени.

– Подтверждаю, одна минута, – повторил Алекс и переключился на канал Бобби. – Кэп, шестьдесят секунд до старта. Ваши готовы?

– Ребятки пристегнулись, готовы прокатиться с горки, – ответила она.

– Принял, – сказал Алекс и стал смотреть, как сбегает к нулю цифры на экранном секундомере. «Три... два... один... старт».

– Старт, – произнес Каспар, и «Предштормовой» ожил. Включились экраны активных сенсоров и телескопическое изображение цели: жирного грузовика Союза перевозчиков под конвоем двух лаконских фрегатов. За грузовиком громоздилась туша Юпитера.

Вот этим, как сообщила перед самым заданием Бобби, и объяснялась вся предварительная секретность. Удача или неудача их атаки зависела от агентов сопротивления в команде грузовика: они должны передавать сведения о курсе корабля и времени его входа в систему Сол – все это в обход навязанного им лаконского комиссара. Для успеха атаки ее необходимо произвести, пока Юпитер заслоняет их от Земли и корабля класса «Магнетар» на ее орбите.

В подготовке было задействовано много участников, и каждая составляющая могла вдруг отказать, к тому же сама атака непременно выдала бы присутствие в Союзе шпионов. А вот если атака сорвется, «Предштормовой» просто залезет на свою койку в «Маятнике» и улетит на нем незаметно для команды транспорта и не выдав шпионов на грузовике.

Выигрыш стоил риска. Корабль шел напрямик с Лаконии и нес особый груз, связанный с каким-то секретным лаконским проектом, и запасные части для «Бури». Заговорщики надеялись добыть и те странные топливные элементы для лаконских кораблей – они больше нигде не производились, а запас на «Предштормовом» угрожающе близился к концу, как и боеприпасы для бортового оружия «Предштормового» и для силовой брони, которую носили боевики Бобби. Захват этого грузовика означал для подполья лучшее оружие и оперативные возможности – вероятно, на годы вперед.

И – главное – комиссар. Взять его живым – огромный выигрыш для разведки. Если только Алекс справится с фрегатами конвоя и сумеет высадить десантников Бобби на грузовик.

– Они нас видят, – сообщил Каспар.

Этого следовало ожидать. Задействовав активный радар, «Предштормовой» осветился, как новогодняя елка.

– Включаю глушение, – сказал Алекс.

«Предштормовой» залил маленькую флотилию помехами, отрезав корабли друг от друга и от помощи со стороны. Три судна не меняли курса, решив, видимо, как можно скорее уходить за Юпитер. Наилучшая для них стратегия, Алекс на их месте поступил бы так же.

Поэтому был готов.

– Кэп, я вас выбрасываю. Не забудьте вернуться, – сказал Алекс и нажал кнопку, которая выстреливала скоростную штурмовую капсулу с боевиками в сторону грузовика.

Бобби со своей abordажной командой на манер пиратов набросились на вражеское судно. Пока капсула разгонялась к кораблю Союза перевозчиков, Алекс дал два точно нацеленных выстрела из рельсовой: снаряды прошли по сторонам капсулы и пробили дюзовый конус грузовика. Разделяющие корабли тысячи километров болванки преодолели за считанные секунды: дюзы двигателя погасли.

– Теперь будь готов, они сейчас займутся нами, – предупредил Алекс Каспара, и, словно подслушав его слова, «Предштормовой» гневно взревел, сообщая, что взят на прицел.

– ОТО заряжены, – сообщил Каспар. Алекс удивился спокойствию его тона. Перед боем малыш мог грустить или бояться, но в деле он становился почти машиной. – Готов к встрече. Торпедные установки один и четыре на взводе.

– Подпустим поближе, сократим им возможности маневра, – сказал Алекс.

Два фрегата были немаленькой угрозой, но «Предштормовой» значительно превосходил их тоннажем и вооружением, так что Алекс без особых опасений решил влететь прямо им в пасть, выбить клыки и разом закончить схватку.

– Подтверждаю; один и четыре заряжены и готовы к работе.

Ускорение втиснуло Алекса в спинку кресла: он сокращал разрыв. Капсула Бобби долетела до искалеченного грузовика и выбрасывала захваты, чтобы сцепить корабли. Переговариваться между собой фрегаты не могли, но у экипажей наверняка имелась заготовка на такой случай, потому что они разошлись в противоположные стороны от грузовика с четкостью координированного маневра.

– Хотят зажать с двух сторон, – заметил Алекс. Но Каспар уже был к этому готов. Он задействовал половину своих ОТО на один фрегат, а другую – на второй. Бортовая защита «Предштормового» не пасовала даже при одновременной атаке с флангов.

Капсула Бобби вдруг осветилась мощным тормозящим импульсом. Алекс искалечил двигатель грузовика, но корабль продолжал движение на той же скорости, что и в последний момент разгона. Капсула была запрограммирована противодействовать его полету с вектором, который не позволит грузовику выдвинуться из-за прикрывающего его Юпитера. Работали не только двигатели абордажной капсулы, но и уцелевшие тормозные большого корабля.

– Мы на борту, – сообщила Бобби: тембр ее голоса сместился до механического визга, прорываясь сквозь помехи их собственных глушилок.

– Наблюдаю быстродвижущиеся объекты, – сказал Каспар.

Алекс увидел тревожный сигнал на табло угроз. Два фрегата разрядили свои торпедные установки. Алекс игнорировал торпеды, ожидая, что, едва они войдут в зону досягаемости ОТО, «Предштормовой» порвет их в клочья.

– Начнем-ка мы отстреливаться, – сказал он, и почти тотчас «Предштормовой» содрогнулся, словно от наслаждения, выпустив четыре торпеды.

Не успели летящие навстречу друг другу снаряды разойтись, как две приближающиеся торпеды вильнули, заложив пологие виражи.

– Занимайся теми двумя, что идут к нам, – велел Алекс Каспару и забыл о них. Две другие по широкой дуге направлялись теперь к грузовику. И оба фрегата тоже развернулись и жестко разогнались, возвращаясь к прежнему подопечному.

Отогнать или расстрелять «Предштормовой» они не сумели. Запасной план, вероятно, предусматривал взрыв грузовика. Жестоко, но ожидаемо. Алекс дал газ, спеша к быстро тормозившемуся кораблю, который теперь предстояло не атаковать, а защищать. Сейчас все сосредоточилось вокруг той точки пространства, где находился подбитый грузовик. «Предштормовой», восемь завершающих маневров разворота торпед, два спешащих назад фрегата... На табло угроз грузовик походил на черную дыру, засасывающую большие и малые тела в свое поле тяготения, за горизонт событий. Это было по-своему красиво.

А потом все принялись стрелять.

ОТО Каспара разом сняли четыре лаконические торпеды, и одновременно две выпущенные «Предштормовым» ударили в один из фрегатов, плазменными боеголовками превратив его носовую часть в раскаленный слиток металла. Второй фрегат, отступая боком, расстрелял угрожавшие ему торпеды на подходе, после чего завершил разворот и дал по грузовику с причаленной к нему капсулой Бобби залп из всех бортовых ОТО. Из дыр в грузовике вылетели облачка атмосферы – в красноватом свете Юпитера они окрасились розовым, будто кровью.

А может, к ним примешалась и настоящая кровь. При таком количестве попаданий трудно поверить, что на борту никого не зацепило.

– Прихлопни его, – приказал Алекс.

– Я займусь ублюдком, – одновременно проговорил Каспар.

Фрегат погасил вращение мощным выбросом маневровых двигателей и включил главный. Он всего лишь затормозился, но с «Предштормового» казалось, будто враг ринулся навстречу. Корабли расходились на высокой скорости, сверкая всеми ОТО.

Маленький в сравнении с «Предштормовым» фрегат, пораженный полудюжиной пушек, превратился в облачко пара. Но перед смертью он успел дать залп, ударивший «Предштормовому» в борт.

Корабль разом огласился какофонией тревожных сигналов, сирен, предупреждений с панели управления.

– Ущерб! – выкрикнул Алекс, перекрывая шум.

Звуки понемногу затихали, доказывая, что по меньшей мере летная палуба теряет атмосферу. Он выхватил из-под амортизатора шлем, прицелкнул его. Отметил, что Каспар проделал то же самое.

– Ущерб! – снова рявкнул он, но услышал из динамиков только шум помех. С досадой врезав кулаком по шлему, он развернулся.

Каспар указывал на свои уши и рот – сигналил, что и у него рация скафандра не работает.

Алекс пролистал отчет об ущербе, высветившийся на экране, и нашел виновника. Снаряд ОТО прошел сквозь узел компьютера, отвечавший за всю корабельную связь, а резерв почему-то не подключился. Может, тоже сдох. На инженерной панели светилось множество красных огоньков.

Ну, пробоины в корпусе «Предштормовой», по своему обыкновению, залечит. А ремонтная бригада уже подключает остальные системы. В том, что выживет «Предштормовой», Алекс не сомневался.

А вот грузовик с Бобби и ее ударной группой кувыркался в пространстве, неуправляемый и лишенный атмосферы, и без радиосвязи не узнать, остался ли там кто живой.

Глава 7

Бобби

– Кэп, я вас выбрасываю. Не забудьте вернуться, – сказал Алекс.

Штурмовая капсула вздрогнула, отделившись от большого корабля. Двигатель включился с короткой задержкой, и Бобби отбросило на спинку амортизатора – теперь ей ничего не оставалось, кроме как наблюдать за бушевавшим вокруг сражением.

Капсула «Предштурмового» была немножко сложнее марсианских, на которых тренировалась в свое время Бобби, но и такая мало что умела. По сути, она представляла собой маленький десантный транспорт с двигателем на одном конце и шлюзом, способным пробивать дыры во вражеских кораблях, – на другом. Изнутри капсула выглядела как тесная металлическая коробка, набитая амортизаторами. «Летающий гроб», – говорили десантники, повторяя шутку многовековой давности, сочиненную солдатами, катившими в бой на колесных броневиках. Если умрешь прежде, чем вступишь в бой, такой гроб обеспечит тебе вечный покой.

Люди всегда считали, что тяжелее всего дается ожидание боя. Бобби, когда была помоложе, и сама так говорила. Если боя не избежать, хоть не тяните на фиг. А когда сражение завяжется, все происходит слишком быстро, чтобы переживать. Страх идет от инстинктов, а не от рассудка.

И в бою она почему-то чувствовала себя лучше.

С возрастом пришло другое. Бобби стала наслаждаться тихой минутой перед боем. Это подарок. Очень немногим, идущим навстречу смерти, известно, что их ждет, и совсем уж немногим выпадает время, чтобы поразмыслить о жизни. Что важного успели сделать? Будет ли их смерть хорошей смертью?

Отец Бобби стал легендой марсианского десанта еще до ее рождения. После прибавления в семействе он ушел с передовой и стал еще более легендарным сержантом-инструктором. Целые поколения постигали, что такое марсианский десант, на базе «Геката» под руководством старшего сержанта Драпера. Человек-гора с высеченным из кремня лицом всегда казался непобедимым. Несокрушимым явлением природы, воплощением горы Олимп, которой вздумалось ожить и погулять среди людей.

Перед смертью он высох, съезжился. Лежа во власти трубок и мониторов, лишь оттягивавших неизбежное, он взял ее за руку и сказал:

– Я готов. В первый раз, что ли?

Тогда она его не поняла, а теперь думала, что он говорил о таких минутах, какая выпала ей сейчас. В идущем в бой транспорте она пересматривала свою жизнь, возможно, подходящую к концу. «Кто я такая? Добилась ли чего-то? Оставляю ли мир лучшим, чем он был до меня? Если я не вернусь – о чем жалеть? И чем гордиться?»

Такие вещи понимают только солдаты. Только те, кто выбирает бег навстречу огню вместо того, чтобы удирать от него. И потому эти минуты были для нее святы. «До этого места и ни шагу дальше», – шепнула она. Вечное обращение ко всем тиранам, деспотам, наглецам. «До этого места и ни шагу дальше. Если мне суждено что-то оставить после себя, – думала она, – надеюсь, останется вот это».

– Что такое, босс? – спросила Джилли. Ее правая рука занимала амортизатор прямо напротив.

– Это я сама с собой, – ответила Бобби. И тихонько запела: – «Что ты ни делай, я лучше тебя. Я в каждом деле лучше тебя».

– Впервые слышу, – заметила Джилли и стала подпевать, на лету подхватывая мотив. – Новая песенка? Похожа на астерские.

– Понятия не имею, – рассмеялась Бобби. – Это моя мать пела. Братья были старше меня, а я терпеть не могла им ни в чем уступать. Если разревусь, когда они выигрывали, мама мне это и напевала. Что застряло в голове с детства, то уж не вытряхнешь.

– Мне нравится, – сказала Джиллиан и, прикрыв глаза, тихонько забубнила себе под нос. Как будто молилась. Бобби знала: она не молится. Она повторяет в уме план, снова и снова. «В двух метрах за обшивкой первая развилка. Поворот налево. Двенадцать метров до технического люка. Взломать и очистить. Три метра вправо до основной панели». Это тоже была молитва – солдатская.

«Я люблю. Есть люди, которые любили меня. Я билась за то, во что верила, я защищала, кого могла защитить, и не отступала перед наползающей тьмой».

Не так плохо.

Капсула коротко взвизгнула, предупреждая о возможном столкновении. Пара снарядов из рельсовой «Предштормового» прошли впритирку – если высунуть руку, можно было поймать их в бейсбольную перчатку.

– Приготовиться к жесткой стыковке, – сержантским голосом приказала Бобби. В полную силу, но не срываясь на крик. Теперь ее обязанностью было выглядеть несокрушимым явлением природы. Горой Олимп, ожившей, чтобы прогуляться по полю боя. Сейчас она богиня войны. После останется ссохшийся полутруп. Возможно. Если не повезет.

Рядом пристегивались и надували амортизаторы бойцы ее ударной группы – шесть человек, собранных с бору по сосенке. Все в лаконской броне, только перекрашенной из голубой в черную. Сливки с помоев, сказал бы ее отец.

Джиллиан с Фригольда, остальные – астеры.

Астеры были из АВП старой школы, поседевшие ветераны нескончаемой партизанской войны с внутренними планетами – пока приход Лаконии не лишил эту войну смысла. Старики и старухи, поднаторевшие в борьбе. Все ее войско на «Предштормовом» насчитывало сорок человек, и в нем были представители чуть ли не всех прежних партий. Но для стремительного абордажа с отходом не найдешь бойцов лучше астеров.

– Боевой режим, – сказала Бобби, и ее броня пробудилась к жизни, нетерпеливо загудела, мечтая о бое. Внутренняя диагностика высветила ей список боезапаса, затем стянула его в один уголок экрана. Возникла и уехала в другой угол схема внутреннего устройства грузовика. Список из шести имен и зеленые точки рядом с ними указывали, что все живы и невредимы. Он развернулся на левом краю и задержался там. Для нее всегда было важно вернуть всех с зелеными точками, без черных, – пусть это и не главная задача миссии.

Посреди экрана замигала надпись: «Разрешение на огонь без команды».

– Огонь без команды, группа альфа. Капитан Драпер, – произнесла она.

В шлемофоне звучали отдаленные щелчки: шесть боевых скафандров активировали оружие. Этой команды во времена сержантской службы в марсианском десанте ей отдавать не приходилось. Корпус, вручая людям оружие, исходил из того, что бойцы применяют его правильно, как их учили. Лаконцам чаще требовался приказ сверху. Уинстон Дуарте основал Лаконию, предав и ограбив Марс. Не удивительно, что в структуру его государства было заложено недоверие к подчиненным.

Экран высветил ей новую схему. Взаимное расположение штурмовой капсулы и грузовика. Расстояние быстро сокращалось.

– Готовсь, – рявкнула Бобби. – На счет пять!

Капсула задрожала, выбрасывая захваты, и они тут же вцепились в грузовик. Ее мотнуло вбок, а потом два корабля столкнулись. Удар о тяжелый грузовик вышел основательный, но его смягчила внутренняя гелевая прокладка скафандра и надувшаяся обивка амортизатора, так что Бобби ощутила только давление на грудь, да и оно сразу исчезло, когда капсула, погасив

ускорение, перешла в свободный полет. Хороший знак. Стало быть, Алекс не промахнулся, и грузовик дрейфует без двигателя.

– Приготовиться к ускорению, – сказала Бобби, и последнее слово едва не потерялось в реве тяжелых тормозных двигателей капсулы, не позволявших грузовику высунуться из-за Юпитера. Амортизатор автоматически развернул ее лицом по направлению движения. И снова перегрузка сдавила грудь.

Когда разгон пошел на убыль, Бобби крикнула: «Пошли, пошли, пошли!» – хотя в том и не было необходимости. Ее стрелки к тому времени, как отвалилась перегрузка второго маневра, были уже на ногах. Джиллиан, ударив по панели у шлюза, выбросила стыковочный рукав. Он установил герметичное соединение с грузовиком – от толчка еще раз вздрогнула палуба. Две секунды, и направленные заряды внутри рукава пробили дыру в двойной обшивке грузовика Союза перевозчиков. И сразу отодвинулась дверь шлюза.

Джиллиан оказалась в нем первой, нырнула в еще светящуюся красным пробоину. От переборки первого коридора оттолкнулась влево, к машинной палубе. Эрнандес и Орм не отставали от нее.

– Мы на борту, – доложила Бобби по командной связи, обращаясь к Алексу на «Предштормовом». Их лаконская аппаратура модулировала сигнал соответственно частотам глушения, так что была надежда, что радиограмма пробьется, но Бобби не доверяла этой системе полностью. Впрочем, пока и не важно. Алексу, занятому боем с двумя фрегатами, не до успехов ее команды. Пока «Предштормовой» не очистит космос вблизи грузовика, связь будет обрывочной.

Бобби пролетела в пробоину, и сразу за ней подтянулись трое оставшихся. Бобби оттолкнулась от стены коридора вправо, в сторону командной палубы. Собственно, это был не коридор, а центральный лифт корабля, и закрытые люки по всей его длине отмечали пройденные палубы. Большая часть вела в грузовые отсеки. Некоторые – в жилые помещения для команды. В рубку выходил только один, и он-то и был нужен Бобби.

Джиллиан со своими из машинного отделения подчинят себе двигатель и жизнеобеспечение. Бобби займет рубку и отрежет связь с внешним миром. Если в рубке не окажется комиссара – не беда. Овладев кораблем, они, никуда не торопясь, обыщут все помещения. Под «не торопясь» подразумевалось пять или десять минут.

– Следите за люками, – сказала она, скользя вдоль переборки в направлении рубки. Напоминание было излишним: их скафандры обследовали каждый квадратный сантиметр окружающей среды на предмет тепла, излучения и даже уникального электромагнитного сигнала, создаваемого биением человеческого сердца. Для человека в лаконской броне почти не бывало неожиданностей. Но любой приказ напоминает команде, что она здесь, владеет положением и заботится о безопасности каждого.

– Подтверждаю, – отозвался Такеши. – Они почти все холодные, наверное, в грузовом трюме вакуум.

– Да, маловероятно, что к нам сзади подберется кто-нибудь в вакуумном скафандре, – согласилась Бобби, – но малая вероятность не равна нулевой.

Скафандр Бобби высветил схему поверх люка на следующую палубу.

– Этот наш, – сказала она, и ее люди с оружием на изготовку выстроились полукругом на переборке около входа. Как бы ни был сориентирован корабль под тягой, для абордажников рубка находилась внизу.

– Не забывайте, – сказала Бобби, – среди них могут быть свои.

Одновременно с ее словами на всех экранах возникли объемные изображения двух женщин.

– Своих защищаем в первую очередь, пленных берем во вторую. Ясно?

Они вразнобой подтвердили. Бобби шлепнула ладонью по панели около люка, а ее броня в долю секунды взломала электронную защиту замка. Люк ушел вбок.

И началась стрельба.

Для человеческого мозга в скоротечной схватке на малой дистанции все происходит одновременно, но, вспоминая потом, он усердно выстраивает события в последовательное повествование.

Бобби мгновенно бросила тело сквозь люк, в рубку. Ее люди держались за спиной. Встречные пули высвечивались на экране яркими линиями, показывая направление, откуда стреляют. Часть пуль попала в нее и в ее людей. Броня, оценив угрозу повреждения как ничтожно малую, игнорировала их. В помещении обнаружилось семь человек в легкой защите. Ее скафандр пометил одного как союзника. Одна из двух агентов сопротивления. Пятеро стреляли в нападавших. Один спешил укрыться за амортизатором. Бобби угадала в нем комиссара.

Рука действовала без участия мысли: встроенное в манжет оружие мгновенно развернулось, разрезав пополам двоих вооруженных. Остальные трое разлетелись красными брызгами и клочьями тел под огнем ее команды. Весь бой продолжался не более двух секунд, хотя в воспоминаниях, когда мозг выстроит связный сюжет, должен был показаться много дольше.

Через тридцать секунд после того, как открылся люк, двое людей Бобби, встав по бокам, прикрывали партизанку, а Такеши припер комиссара к переборке и связывал ему руки стяжками. Бобби осмотрела палубу. Обшивка цела, заверил ее скафандр. Отличная штука – лаконские пули, предназначенные для боя с личным составом в пространстве корабля. Для противника в легкой защите смертельны, а при ударе о переборку рассыпаются в пыль.

– Рубка наша, – сообщила Бобби.

– Машинный наш, – незамедлительно отозвалась Джиллиан. – И с нами одна из двух лазутчиц. Вторая у вас?

– Подтверждаю. Наши все целы, груз взяли.

– Вот и хорошо, – сказала Джиллиан. – Хочу видеть его лицо, когда он поймет, что его жизнь отправилась в утилизатор.

– Джиллиан, проводи сюда нашу союзницу, – распорядилась Бобби. – Давайте запихнем их всех в аварийные скафандры, и можно отправляться на «Предштурмовой». Остальным разойтись и визуально оценить добычу. Когда «Предштурмовой» подойдет, все ценное должно быть готово к погрузке, а времени мало. За дело.

– Принято, – отозвалась Джиллиан.

– По-моему, это победа, – обратилась Бобби к Такеши.

Он ухмыльнулся:

– Как два паль... – Не договорив, он взорвался.

Умом Бобби понимала, что его убило сквозное попадание из ОТО. Изнутри корабля это выглядело как дюжина одновременных взрывов на противоположных переборках. Помещение наполнилось светящимися осколками, рикошетившими от стен и панелей, и серым дымом испаряющегося металла. Такеши – расчлененное тело в обломках высокотехнологичного скафандра – плавал в облаке шариков крови.

Снаряд, кажется, никого больше не задел, но Бобби не успела ничего сказать, как из рубки пропал воздух. Только что была атмосфера, а миг спустя – вакуум. Воздух уходил так стремительно, что едва успел потрепать полы голубого комиссарского кителя.

– В скафандры их! – гаркнула Бобби, но она знала, что уже поздно. Она была марсианка. Она с начальной школы отрабатывала порядок действий при потере атмосферы. Пятнадцать секунд до обморока. Все, что можно сделать, должно уложиться в эти первые пятнадцать секунд, иначе толку не будет. Если вакуумный скафандр требует для надевания более пятнадцати секунд, ты умрешь раньше, чем его наденешь.

Ей оставалось только беспомощно наблюдать, как партизанка, помогавшая им захватить корабль, выдыхает последнее в жизни облачко пара. Комиссар, ради которого все и было затеяно, умер миг спустя с искренним недоумением на лице. Тысячи фактов и тайн, которые, возможно, лежали между успехом подполья и общей смертью в гуглаге, испарились из лопнувших клеток этого человека.

Уцелевшие в рубке панели светились красным. Корабль тоже погиб.

– Ударная группа вызывает «Предштормовой», – заговорила Бобби, открыв командный канал связи. И услышала только слабый шорох фонового излучения. – «Предштормовой», отвечай.

Тишина.

– Дерьмо! – Джиллиан вплыла в рубку, волоча за собой тело погибшей на машинной палубе союзницы. – Мы и «Предштормовой» потеряли?

– Чама. – Бобби ткнула пальцем в одного из своих. – Выходи наружу, попробуй высмотреть «Предштормовой». Вдруг на прямой видимости связь заработает? Остальные – задание прежнее. Составьте мне инвентарный список. И приготовьтесь к спешной погрузке, когда найдется наш корабль.

– Или, – добавила Джиллиан, – готовьтесь провалиться в Юпитер и там сдохнуть. Потому что скорость у нас сейчас ниже орбитальной, а двигателя нет.

– Или так, – согласилась Бобби, подавив желание толкнуться к Джиллиан и дать ей в зубы. – Но до тех пор мы на задании. Валите отсюда к черту, займитесь упаковкой груза.

Боец из отделения Джиллиан доложил по радио:

– Здесь полно добра, босс. Боеприпасы, горючее – как в мамином чулане. Главное задание проимели, зато второй приз вышел богатый.

– Моральная победа, – вздохнула Бобби.

– Знаешь, кто толкует о моральных победах? – спросила, выплывая за дверь, Джиллиан. – Проигравшие.

Глава 8

Наоми

Со связью были проблемы.

Кольцо врат создавало помехи, затруднявшие обмен сообщениями, а передачи по направленному лучу из системы в систему стали практически невозможными. Лакония контролировала трансляционные станции по обеим сторонам врат и средоточие всего – станцию Медина на главном перекрестке империи. Лаконцы завели глаза и уши в каждой системе, а их алгоритм поиска упорядоченных сигналов отслеживал все частоты диапазона. Сабе удалось проделать кое-где дырочки: антенны направленных передач с устаревшими или расколо-тыми кодами защиты позволяли прицепить к законной передаче кое-что свое, и в потоке видео новостных каналов тоже иногда удавалось спрятать текстовое сообщение. Старые трюки, применявшиеся АВП, когда ни Наоми, ни Саба еще на свет не родились, только приспособленные к новым обстоятельствам. Опасность была двойной: во-первых, что военные Лаконии перехватят и расшифруют сообщения и, во-вторых, что через них отследят источник.

Против первой, тоже немалой, угрозы были средства: шифрование с автоматической перестановкой, введение в передачу помех, привязанные к контексту словесные шифры. Ничто не совершенно, и несмотря на все, что Бобби с ее командой удалось вытянуть из «Предштор-мового», подполье, обрабатывая информацию от лаконских военных, на три четверти руко-водствовалось догадками, а на четверть – надеждой. Впрочем, Наоми им достаточно доверяла, чтобы не мучиться бессонницей.

Вторая проблема – как не дать врагу выследить источник – решалась проще благодаря бутылкам.

Наоми видела океан только через объективы камер, но язык сохранил то, что давно ушло из жизни. Направленный луч до сих пор держал связь, хотя материальные провода, соединявшие два пункта, давно сменились световыми волнами. Сол до сих пор назывался Солнцем, хотя на макушки людям теперь светили тринадцать сотен таких же солнц. И выражение «записка в бутылке», для землян несшее в себе множество оттенков и намеков, досталось ей через третьи руки – из анекдотов, комиксов, развлекательных программ. Бутылки она заменила хранивши-мися в ее контейнере торпедами: каждая из них была снабжена импульсным излучателем и боеголовкой, способной превратить аппарат в светящуюся пыль. Программу Наоми написала сама и была в ней уверена.

Чтобы получать известия от Сабы и подполья, она могла просто слушать. Вся информа-ция была доступна: кричала в пустоте, усиливалась сетями – надо лишь знать, какие передачи смотреть. Она ловила ее в сплетнях, новостях, в пении помех. И в лаконской пропаганде. Даже в трансляции речей Дуарте порой попадались весточки от Джима.

Пассивно принимать информацию она могла с любого корабля, и выследить ее по при-ему было невозможно. Она ловила передачи на локальную систему, считывая с экрана койки и ручного терминала самую свежую информацию, какую получала в жизни, да к тому же постоян-но обновляющуюся. А фильтры системы вылавливали из нее доклады и рабочие данные.

Она анализировала, составляла рекомендации и советы относительно средств и целей борьбы с новыми внутренними. А подготовив все это – когда подходил срок или она чувствовала себя на грани срыва, – передавала одной из торпед и сообщала своему агенту на борту. Торпеду выбрасывали из шлюза, после чего включалась ее программа.

Избранное случайным образом направление, случайные повороты и ускорения, случай-ное время до отправки. Иногда Наоми откладывала ее на день-другой, чтобы успеть покинуть

систему или сменить корабль-наперсток. Иногда не откладывала. Правила были ее врагами, и даже закономерности рассчитывались так, чтобы скрывать ее след.

В заданное время бутылка выкрикивала все в едином импульсе. Где-то в системе антенна Сабы слушала – так же, как Наоми. Беззвучно, пассивно, неуловимо. Это походило на космическое чревовещание, и только так – медленно и несовершенно – шел у них обмен информацией, между тем как враг рассылал свои сообщения откуда угодно со скоростью света.

Вот что значит быть последним волком в стае.

Труднее всего давалось время между отсылкой бутылки и импульсом. Часами, днями, а иногда и неделями она перепроверяла себя. Прочесывала свои планы и предположения: наверняка где-то допущена ошибка, и ее еще можно исправить, прежде чем она разлетится по системам рябью волн. Слушала новую информацию, которая требовала поправок – а ведь сказанное не возьмешь обратно.

Именно этим она сейчас и занималась.

Ее ящик сменил «Мосли» на другой корабль, почти такой же, только этот назывался «Бикаджи Кама». Он на четверти g шел к Оберону с шахтным оборудованием, по дешевке закупленным на Марсе. Наоми уже не воспринимала привычного гула двигателей, разве что при поправке траектории полета вибрации входили в резонанс и отзывались где-то звоном. Рацион, подаренный ей на прощанье с «Мосли», был земного производства. Рис, растительный белок, соус карри – все это походило на астерскую пищу, если бы не добавки изюма. Она перевела свою систему в локальный режим, без нужды не залезая в компьютеры «Камы». Слушала музыку – тихую церерскую мамбу, под какую танцевала девчонкой, – и новости, сколько удавалось вытерпеть. Она расчистила себе место для упражнений и растяжек и религиозно соблюдала расписание зарядок, заставляя себя пропотеть дважды в день. Спала она тоже по расписанию: приглушала свет на восемь часов, не больше и не меньше, и никогда не позволяла себе уснуть в промежутках. Никаких «подремать часок». Устоявшаяся рутина держала тьму в рамках – и то не всегда.

А в промежутках она снова пересматривала собранные данные – и ждала, когда разобьется очередная бутылка.

Монитор показывал схему комплекса Бара Гаон – в нынешнем состоянии и с предполагаемым расширением. Бара Гаон был самой преуспевающей из новых человеческих систем. Три его планеты уже перешли на самообеспечение, независимые горнодобывающие кооперативы исследовали необыкновенно богатый пояс астероидов, а на двух лунах в системе единственного газового гиганта действовали базы. Карта человеческого присутствия в системе напоминала первый весенний лист: бледный, изящный, тонкий и обещающий окрепнуть со временем. Первую волну колонистов возглавили агрикультурная корпорация Ганимеда и прогрессивное мусульманское сообщество из зоны совместных интересов Великого Тарая. Их успешное партнерство привлекло еще пять волн поселенцев всего за два десятилетия.

Они еще оставались частью системы Сол, но ненадолго. План экспансии годами увязал в переговорном процессе, но атака Лаконии и воля Дуарте дали ему хороший пинок.

Задумывалось пять новых городов – по два на ближайших к их солнцу планетах и один в более прохладном поясе. Комплексу датчиков предстояло за шесть лет полностью картировать систему. Основывалось восемнадцать новых научных проектов. За два года собирались усовершенствовать инфраструктуру городов с упором на науку и культуру. Если все сложится, не пройдет и века, как Бара Гаон затмит систему Сол. Более амбициозного плана Наоми еще не видела, притом его нельзя было назвать неисполнимым.

На те же амбиции возлагало свои надежды и подполье. И она тоже.

Она пролистала список проектов. В сотый раз. Для каждой стадии требовались определенные ресурсы. Одна только сеть датчиков предполагала наем ста тридцати инженеров и разнообразных специалистов. А поскольку главной задачей сети стояло картирование, не нужно

быть гением, чтобы усмотреть в ней потенциал наблюдения за системой. Тайные операции подполья в Бара Гаон сильно упростятся, если десять-двадцать процентов нанятых инженеров и специалистов будут отчитываться еще и перед Сабой.

Она вывела схему собственного плана. Не сдерживать экспансию, а контролировать ее изнутри. Первой целью она назначила директорат Бара Гаон по персоналу. Там уже рассылали запросы на вакансии и готовили бюрократический аппарат, который должен был оценивать новых сотрудников. Наоми наметила семь критических позиций и составила профили кандидатов, согласно которым Саба мог заполнять вакансии своими союзниками. Главное, чтобы это были не подставки, а реальные люди с реальными биографиями и квалификацией. Если они сумеют захватить два из семи мест, это уже даст опору для дальнейшего продвижения. С тремя они получают возможность замечать следы, и, если Лакония что и заподозрит, высмотреть их будет сложно. С пятью местами Саба практически будет контролировать экспансию Бара Гаон.

Наоми составила и список проблемных мест. Главный администратор провинции Цеанат на Бара Гаон-6 – у них эта планета называлась Аль-Халуб – была близкой подругой Кэрри Фиск и открыто поддерживала Лаконию. Важно вывести ее проекты из первой очереди и подорвать ее личное влияние. Профсоюзы лун газового гиганта имели связи со старыми группами ненавистников внутренних планет и до сих пор с яростью самозванных угнетенных противостояли любым действиям Союза перевозчиков. Сабе придется искать там других союзников. В местном правительстве имелаась коммунитарная фракция, которая в открытую призывала к вооруженному сопротивлению, что угрожало, если их не придержать, лишними чистками, притом без всякого реального выигрыша.

«Бумажками горячие войны не выигрывают», – сказала в ее памяти Бобби.

– А ты посмотри на меня, – ответила ей Наоми, и голос отдался эхом, слившись со звучащей в контейнере музыкой. Ее донимала обида. Наоми закрыла файлы, отодвинула в сторону монитор. Покидая систему Сол, она надеялась, что след последнего разговора со временем сотрется, но он засел занозой, напоминавшей о себе всякий раз, как потревожишь больное место.

«Бой между двумя, из которых только у одного есть оружие и воля его применить? Чертовски короткий выйдет бой».

А этот голос принадлежал уже не Бобби. Амосу. За несколько десятилетий совместных полетов у нее в голове поселилась маленькая копия семьи. Все они отчасти слились с нею и подавали голос, даже когда она их об этом не просила. Даже когда обрывки фраз только напоминали, что спор не окончен.

Она развалилась в амортизаторе, заставив его прошипеть шарнирами. Переключила музыку на мелодию пободрее, с четким и частым ритмом. Рабочий день только начинался, а она уже стосковалась по движению. Как будто, размяв длинные мышцы рук, ног, спины, она могла сбросить напряжение между собой и теми, кого не было рядом.

– Война короткой не бывает, – говорила она, прицепляя к потолку контейнера эспандеры. Когда она впервые вошла в этот ящик, крепления были выкрашены серой краской, а теперь вытерлись до стального блеска. – Моя прошлая война длилась поколение еще до того, как я в нее вступила. Дорогу к миру не пробьешь выстрелами.

«Победа – это не только мир. Как насчет пробить дорогу к миру и справедливости?»

Наоми сунула ступни в петли эспандеров, изготовилась, привела ленты в нужную позицию и потянула. Работа была тяжелая. До боли, но она и хотела боли. Воображаемый голос принадлежал уже не Амосу, а Джиму:

«В том-то и беда с автократией. Она прилично смотрится до какого-то момента. Жить можно. А смотрится прилично она до тех пор, пока не перестанет. О чем ты всегда узнаешь с опозданием».

– Я борюсь, – сказала Наоми и крикнула, налегая на ленты. – Тихая работа – тоже бой. Так даже лучше. В таком бою я могу победить.

«Не при нашей жизни», – сказала Бобби. В этом, конечно, было все дело. В этой глубоко скрытой истине, с которой Наоми справлялась как умела, споря с любимыми голосами.

Пот проступил на линии волос, но при четверти g не стек на лицо. Она подтягивалась на дрожащих руках. Заставила себя снизить темп, наблюдая за состоянием. Так было еще труднее, а она того и добивалась. И меньше опасности травмироваться – а это самое главное. Медленно, осторожно, целеустремленно. Без потерь.

«Подходящая метафора для чего-то», – заметил голос Джима, и Наоми рассмеялась его шутке.

Стареть означает отказываться от всего неважного. И больше ценить то важное, что осталось.

Она отцепила эспандеры и принялась переставлять их для разработки спины, когда прозвучал предупреждающий сигнал: монитор над койкой и ручной терминал звякнули одновременно. Закончит потом. На мониторе висело единственное уведомление. «Кама» принял шифровку с ее удостоверяющей подписью. В глубинах под эклиптической Оберона лопнула бутылка, выплеснула наружу свое содержимое. Наоми вытащила копию из буфера корабля и поставила свою систему на поиск разночтений. Что-то наверняка потерялось. Обычно теряется. Но она всегда предусматривала в сообщении повторы и метки. Сделать его нечитаемым могло только страшное невезение или мощнейший выброс радиации. Наоми проверяла лишь потому, что так полагалось.

Все файлы и сообщения копии соответствовали оригиналу. Окончательный вердикт системы сопровождался щелчком: словно кто-то прищелкнул пальцами. «Безвозвратных потерь нет».

Итак, дело сделано. Еще один аналитический доклад и новый набор приказов и рекомендаций гуляет на свободе. Наоми, конечно, уже работала над следующим. И все равно наслаждалась чувством заверченного дела.

Она переключилась на новости, вычищая непомеченные копии из локалки своей койки и восстанавливая их, словно черпала чашкой из неиссякаемого источника. Стукнув пальцем по экрану, она прочитала отобранное для нее системой. На миноритарных выборах Санаанга неожиданно прошел второразрядный кандидат – это из ее рекомендаций в предпоследней бутылке. Программная ферма на Марсе вступила в партнерство со станцией Медина для разработки новой инфраструктуры безопасности – это она считала нежелательным, но отметила в своем списке приемлемых потерь. В системе Сол сработал сигнал тревоги. Новость удостоили красного флажка, подробностей не сообщали.

Только Наоми и так знала, что это было. Война Бобби.

Та, что велась оружием.

Где-то там, так далеко, что даже свет шел часами, Бобби с Алексом рисковали собой. А она ничего не могла сделать. Наоми захлестнула досада. Или до нее дошло наконец то, что было известно с самого начала.

Она выбрала свое место. Она выбирала его, участвуя в разработке игры в наперстки, в которую теперь играла. У нее были десятки возможностей сотрудничества с подпольем. Тысячи способов жить без него. Она здесь потому, что сама так решила. Контейнер был не тюрьмой, а убежищем отшельницы. Здесь она могла переждать, пока уляжется муть в душе и очистится разум.

Тогда план представлялся удачным. И он как будто сработал. Сейчас, занеся палец над сообщением о тревоге, она поняла, что это средство больше не действует. И ткнула в экран с такой силой, будто давила насекомое. Аналитика за спиной по-прежнему бодро высвечивала: «Безвозвратных потерь нет».

– Похоже на метафору, – сказала она и представила себе смешок стоявшего рядом Джима. Они всегда любили перебрасываться одной и той же шуткой.
Миг спустя у нее вывалось:
– Проклятье, как бы мне выбраться из чертова ящика!

Глава 9

Тереза

Кэрри Фиск возглавляла Ассоциацию Миров. И Тереза знала, что дозволение завтракать с ее отцом – показатель важности этого поста. Тереза сидела за столиком рядом с отцом, а Фиск напротив, и, слушая их разговор, Тереза чувствовала себя зрителем теннисного матча.

– Торговый договор между Обероном и группой пяти миров дает реальные преимущества, – объясняла Фиск. – Сосредоточившись на немногих системах, мы ускоряем прогресс. Оберон или Бара Гаон помогут вывести на самообеспечение еще три-пять систем за срок от семи до десяти лет, а потом каждая из них обзаведется своими клиентами. Рост в геометрической прогрессии поднимет все системы скорее, чем равное внимание каждой отдельной колонии.

Отец медленно кивнул. Тереза знала этот жест. Отец бросил взгляд на нее, приподнял бровь. Приглашал в соучастники. Тереза уловила, как поежилась Фиск. Эта женщина так заискивала перед отцом, что неловко было смотреть. Тереза пожала плечами. Чуть заметное, на миллиметр, движение означало: «Хочешь, чтобы спросила я?» Отец кивнул.

– А как же коррупция? – спросила Тереза.

Фиск рассмеялась:

– Репутация Оберона бежит впереди него! Губернатор Риттенер заверил меня, что все под контролем. Было несколько подгнивших яблок, но в неуправляемой колонии этого следовало ожидать. Теперь, под надзором Лаконии, с ними разобрались.

Тереза, кивнув, откинулась назад, ожидая реакции отца. Он не спешил. Тереза зачерпнула еще яичницы. Подобрала кусочком хлеба жидкий, как она любила, желток. Келли – личный лакей отца – принес Фиск еще кофе. Когда отец вздохнул, в глазах Фиск явственно отразилась безнадежность. Всего лишь мелькнула – она сразу ее спрятала, но Тереза успела заметить.

– Идея хороша, – сказал отец, – однако я не уверен, правильно ли вы выбрали планеты. Дайте мне время пересмотреть проект – вернемся к нему на следующей неделе.

– Да, сэр, – отозвалась Фиск. – Разумеется.

После совещания за завтраком Фиск ушла, а Тереза осталась. Когда Келли убрал посуду, отец поднялся и, потянувшись, обратился к ней:

– Что ты заметила?

– Она нервничала.

– Как всегда, – возразил отец. – Я отчасти за это ее и выбрал. Когда люди чувствуют себя слишком свободно, они отбиваются от рук. Разбалтываются. Что еще?

– Она ожидала замечания о коррупции. И сосредоточилась на Обероне, чтобы уйти от вопроса, по какому признаку отбирались эти пять миров.

– Пыталась что-то скрыть?

– Не думаю, – сказала Тереза. – По-моему, зная о дурной репутации Оберона, просто коснулась напрашивающейся темы. Когда ты переключился на выбор миров, она... вздохнула с облегчением?

– Согласен. Хорошо. Это было любопытно. У меня военный совет с Трехо по системе Сол. Хочешь посмотреть?

Она не хотела. Сегодня предстояло занятие со сверстниками, а значит, встреча с Коннором. Ей бы хотелось выбраться к Тимоти, поиграть с Ондатрой, побыть с отцом, но больше всего – пойти в класс. Она стыдилась этого желания. Нельзя, чтобы отец почувствовал, что не слишком важен для нее, – особенно когда в этом есть доля истины...

– Если хочешь, – сказала она, добившись, чтобы голос звучал радостно и беззаботно.

Он поцокал языком и взъерошил ей волосы.

– Не обязательно. Можешь позаниматься с полковником Иличем. Если у Трехо есть что-то существенное, я дам тебе знать.

– Хорошо, – сказала она. И, почувствовав, что он знает все ее мысли, добавила: – Спасибо.

– Всегда пожалуйста, – ответил отец и отпустил ее взмахом руки.

* * *

Едва шагнув в класс, она поняла: что-то случилось. Обычно все распределялись компаниями, устроившись на диванах и в креслах в общей комнате, и вели сразу полдюжины разговоров. Терезу, когда она входила, замечали, но не старались спрятать обращенные к ней взгляды. Сегодня все жались к стенам и колоннам, как зверушки при появлении хищника. Коннор стоял один, хмурясь в свой наладонник, словно тот его чем-то оскорбил и парень с трудом сдерживал чувства. Остальные дружно взглянули на Терезу и отвели глаза, а Коннор не замечал ее так старательно, что это выглядело неестественно.

– Я сейчас вернусь, – сказал полковник Илич, тронув ее за плечо. – Нужно кое-что сделать до начала.

Тереза кивнула, отпуская его. Ее внимание привлекла Мьюриэль Купер. На год старше Терезы, с тускло-коричневыми волосами и щербинкой между зубов, она была талантливой художницей, так что рисовать лица во всех крупных школьных проектах доставалось ей. Сейчас, подходя к Терезе, она чуть ли не дрожала. Девочке вспомнилась Кэрри Фиск.

– Тереза, – сказала Мьюриэль. – Можно мне... можно с тобой минутку поговорить?

Терезе стало по-настоящему страшно, однако она кивнула. Мьюриэль сделала пару шагов к двери во двор, потом остановилась и оглянулась, как оглядывалась иногда Ондатра, проверяя, идет ли за ней хозяйка. Во дворе Мьюриэль сложила руки на животе в позе слушающего выговор ребенка. Терезе захотелось взять ее руки и вернуть их на место, заставить ее вести себя как обычно. От Мьюриэль тянуло тревогой, как жаром от огня, и Терезе тоже стало тревожно.

– Что такое? – спросила она.

Мьюриэль облизнула губы, глубоко вздохнула и подняла глаза, встретившись взглядом с Терезой.

– На прошлой неделе в школе ходили в поход, мы все ходили. С ночевкой, и наша компания улизнула к воде, когда полагалось спать, и тогда Коннор меня поцеловал.

Тереза что-то почувствовала. Что, она не знала, но чувство зародилось в животе, сразу под пупком, и так глубоко, что наверняка это было не мышечное ощущение. Выводы валились на нее друг за другом, как костяшки домино. Коннор поцеловал Мьюриэль. Нет, больше того, Коннору *захотелось* поцеловать Мьюриэль. Нет, еще больше того, Мьюриэль знала, что Терезе это не все равно.

А значит, знали все.

О господи, значит, и Коннор знал!

– Я могу с ним порвать, – сказала Мьюриэль. – Если хочешь.

– Не мое дело, чем вы занимаетесь, – ответила Тереза. – Если вам с Коннором вздумалось целоваться в лесу, меня это не касается.

– Спасибо тебе, – выговорила Мьюриэль и чуть ли не вприпрыжку вернулась в общую комнату.

Тереза направилась следом, думая только о том, чтобы происходящее с ее телом не отразилось на лице. Одновременно с ней вошел, тепло улыбаясь, полковник Илич. Под мышкой он нес черно-белый мяч размером с отрубленную голову.

– Сегодня, – обратился он ко всем, – мы будем изучать новые футбольные приемы. Восточный луг после дождя немножко размок, так что, если прекрасные дамы и господа соблаговолят проследовать за мной в спортивный зал, можете переодеться в более подходящие наряды.

Середина дня была заполнена гулками выкриками и жжением в икрах и спине. Тереза слишком сильно била по мячу, больше промахивалась, чем попадала, и постоянно ощущала на себе внимание класса. Внимание Мьюриэль. И Коннора. И даже полковник Илич заметил, что ей не до игры, но, не считая мягкого вопроса о самочувствии, ничего не сказал. Когда настало время принимать душ и переодеваться в обычную одежду, Тереза не пошла в раздевалку с остальными. У нее было собственное помещение. Они ей больше не нужны. Никто.

Уходя, она оглянулась посмотреть, подошел ли Коннор к Мьюриэль. Держатся ли они за руки? Целуются ли? Но ничего подобного не было – Коннор стоял у стального питьевого фонтанчика с Халидом Марксом, а Мьюриэль изображала, что умерла от усталости, и Аннеке Доуби с Майклом Ли тащили ее за руки и за ноги. Тереза думала, что от этого ей должно полегчать, но не тут-то было.

В одиночестве она дала волю слезам. И выбрала себя за глупость. Коннор не представлял собой ничего особенного: просто мальчик, о котором она думала больше, чем о других. Она никогда с ним не целовалась и не собиралась держаться за руки. До сегодняшнего дня она была уверена, что он ничего не замечает. Что никто не замечает. Только вот он выбрался из палатки с проклятушей Мьюриэль Купер. Как это инструктор похода допустил такое? А если бы они утонули или местные звери приняли бы их за добычу? Инструктор проявил некомпетентность. Вот в чем дело. Вот почему – хотя в это верилось с трудом – почему она всхлипывала и хлопала носом.

Ондатра сунула мокрый нос ей под мышку, толкнула. В глазах старой собаки ясно читалась забота. Она неуверенно вильнула пушистым хвостом.

– Я дура, – сказала Тереза, и ей самой голос показался измученным. – Просто я дура.

Ондатра, скорее кашлянув, чем взлаяв, вскинула передние лапы. Недвусмысленное приглашение. «Забудь об этом, давай играть!» Тереза бросилась на кровать в надежде заснуть или, как в кино, сбежать прямо с кровати в другое измерение, о котором никто никогда не слышал.

Ондатра снова кашлянула. И гавкнула.

– Ладно, – сказала ей Тереза. – Дай только переоденусь, чтоб не вонять потом. Тупая псина.

Ондатра усердней завивляла хвостом. Теперь уже от души.

Утренние облака разошлись, но земля еще не просохла после дождя. С круговоротом воды приходилось мучиться всем мирам империи. Везде случались ливни и грязные лужи. Тереза шла по обставленным колоннами дорожкам, стараясь уйти подальше от людных мест. Ей не нужна была компания – хватало собаки и жалости к себе.

Она задумалась, можно ли что-то изменить. Если бы она сказала Мьюриэль: да, ты должна порвать с Коннором. Так можно было. И сейчас еще не совсем поздно. Или пойти к полковнику Иличу, сказать, что ей стало неловко в обществе Мьюриэль, что эта девочка портит ей общение со сверстниками. И даже попросить, чтобы Коннор больше времени проводил в здании государственного совета, если ей захочется его видеть – а ей вот как раз хочется.

Но всем станет известно, что это она устроила, а так не годится. И она просто шла по серовато-зеленым садам, оглядывала низкие зеленые склоны гор за территорией и мечтала сбежать, или умереть, или обратить время вспять.

Ондатра насторожилась, наставила вислые уши вперед. Гавкнула раз, как бы в волнении, и бросилась бежать, слишком быстро для своих старых истертых ног. Как ни грустно было Терезе, она рассмеялась.

– Ондатра! – позвала она, но собака в увлечении не послушалась. Ее пышный виляющий хвост скрылся за изгородью из завезенной с Земли сирени, и Тереза рысцой побежала следом.

Она думала, что Ондатра испугнула шнырка, пепельного кота или еще какого зверька, забравшегося на территорию. Так иногда случалось, хотя есть местных животных собаке не стоило – ее от них тошнило. Еще Тереза всегда опасалась, что рано или поздно сюда залезет крупный местный хищник. Но, обойдя изгородь, она увидела рядом с Ондатрой человека: он сидел на траве и смотрел вдаль. Седеющие короткие волосы. Лаконский мундир без знаков различия. Дружелюбная пустая улыбка.

Джеймс Холден, и Ондатра уже растянулась рядом с ним, напрашиваясь на ласку. Тереза встала как вкопанная. Холден лениво протянул руку, почесал собаке живот. Ондатра вскочила и залаяла на Терезу: «Иди же сюда!» Ноги почти без участия ее воли понесли девочку к самому прославленному пленнику империи.

Она не любила Холдена. Не доверяла ему. Но когда им случалось разговаривать, он держался вежливо и без угрозы. В его манере даже сквозил неуловимый философский юмор, помогавший отвечать ему такой же вежливостью.

– Привет, – поздоровался он, не поднимая головы.

– Здравствуйте.

– Знаешь, странное дело, – начал он. – Дождь пахнет так же, а вот мокрая земля – иначе.

Тереза промолчала. Ондатра переводила взгляд с пленника на нее и обратно, словно с нетерпением чего-то ждала. Помедлив немного, Холден продолжил:

– Я вырос на Земле. Когда мне было столько лет, сколько тебе – тебе ведь четырнадцать? – я жил на ранчо в Монтане с восемью родителями и множеством животных. Дождь там пах так же. Думаю, это от озона. Знаешь, от электрических разрядов? А вот от земли после дождей шел такой глубокий запах. Как... даже не знаю. Хорошо пахло. А здесь запах мятный. Странно.

– Я это уже проходила, – сказала Тереза, как будто оправдываясь. – Влажная земля всегда так пахнет. Это споры актиномицетов.

– Не знал, – сказал Холден. – Хороший запах. Я по нему скучаю.

– Это моя собака. – Намек «Так что оставь ее в покое» прошел у него мимо ушей.

– Ондатра, – кивнул Холден, и та застучала хвостом, радуясь, что ее приняли в беседу. – Любопытное имя. Это ты ее так назвала?

– Да, – сказала Тереза.

– А настоящую ондатру когда-нибудь видела?

– Нет, конечно.

– Тогда почему выбрала такое имя?

Он расспрашивал на удивление открыто, можно сказать, простодушно. Как будто взрослой была она, а ребенком он.

– В комиксе, который читал мне отец, был такой персонаж.

– А, ондатра?

– Вроде бы, – сказала Тереза.

– Ну вот, – произнес Холден. – Загадка решена. Знаешь, тебе не надо меня бояться. Она вот не боится.

Тереза переступила с ноги на ногу. Земля была очень влажной и – он прав – пахла мятой. В голову Терезе пришли полдюжины возможных реакций, от развернуться и уйти до сказать: «Что за глупости, я вовсе не боюсь». Если бы не засевший в ней стыд и гнев, она бы, наверное, отшутилась. Но так уж вышло, что она не прочь была ввязаться в ссору, а он дал ей повод. Она считала его одним из немногих, кого можно безопасно куснуть.

– Вы террорист, – сказала она. – Вы убивали людей.

На лице его что-то мелькнуло, так быстро, что она не успела распознать, и он тут же снова улыбнулся.

– Да, было дело. Но теперь нет.

– Не понимаю, зачем мой отец вас держит в плену, – сказала она.

– О, на это я знаю ответ. Я у него вместо выученного танцевать медведя, – объяснил Холден и растянулся на траве, глядя в небо. Высокие белые облака в синеве и сверкающие точки строительных платформ еще выше. Тереза разгадала его игру. Он втягивал ее в разговор. Дождь, почва, откуда у Ондатры такое имя... Теперь загадочные слова про танцующего медведя. Все это были приглашения к беседе, но принимать ли их, зависело только от нее.

– Медведи танцуют? – спросила она.

– В обычае древних королей было держать при дворе опасных животных. Львов. Пантер. Медведей. Их обучали разным штукам или, по крайней мере, не позволяли есть всех гостей подряд. Так демонстрируют власть. Всем известно, что медведь – убийца, а для могущественного короля он просто игрушка. Если бы Дуарте держал меня в клетке, народ мог бы решить, что он меня боится. Что я, если вырвусь на свободу, могу представлять угрозу. А позволяя мне бродить как бы на свободе, он показывает всем посетителям дворца, что вырвал мне клыки.

В его словах совсем не слышалось злобы. И обиды.

Скорее уж, в них была улыбка.

– У вас намокнет спина от травы.

– Знаю.

Молчание затянулось и как будто подтолкнуло ее.

– Сколько человек вы убили?

– Смотря как считать. Я старался никого не убивать без необходимости. Видишь какое дело: я все-таки в тюрьме. Уверен, сейчас не меньше двух искусных снайперов готовы вышибить мне мозги, если я тебя обижу. Так что я не только не хочу причинять тебе вред, я буквально не могу, даже если бы захотел. Вот в чем штука с танцующим медведем. Он – самое безопасное создание во дворце, потому что все помнят, как он опасен. Но опаснее всего всегда тот, кому ты доверяешь. Королей и принцесс куда чаще травили друзья, чем съедали медведи.

У нее звякнул наладонник. Полковник Илич хотел поговорить. Она ответила подтверждением, но связь не включила. Холден усмехнулся.

– Долг зовет?

Тереза, не отвечая, хлопнула себя по бедру. Ондатра вскочила, потрусил к ней – псине было все равно, уходить или оставаться. Тереза повернула обратно к зданию.

В голосе окликнувшего ее Холдена звенело напряжение. Как будто он пытался вложить в слова больше, чем в них умещалось.

– Если тебе тревожно, посмотри на меня.

Она оглянулась. Он приподнялся с земли. Как она и предупреждала, спина потемнела от влаги, но его это как будто не заботило.

– За мной наблюдают все время, – сказал он. – Даже когда наблюдателей не видно. *Посмотри на меня.*

Она нахмурилась, бросила: «Ладно» – и ушла.

Возвращаясь к себе и к полковнику вместе с пыхтевшей рядом Ондатрой, Тереза пыталась разобраться в своих чувствах. Память о Конноре и Мьюриэль еще жгла ее, и стыд за себя тоже. Но все это немного отступило перед непонятным чувством, которое, кажется, было как-то связано с тем, что Ондатра любила натекать на Холдена, а она нет.

Полковника Илича она нашла в общей комнате. Без учеников кресла и диванчики смотрелись совсем иначе. Даже стены как бы расступились, оставив между собой чуть больше пустоты. Шаги отдавались эхом, и когти Ондатры гулко цокали по плитке пола. Илич что-то делал на своем наладоннике, но, когда Тереза вошла, сразу встал.

– Спасибо, – сказал он. – Надеюсь, я ни от чего тебя не оторвал?

– Я просто гуляла, – ответила она. – Ничего важного.

– Вот и хорошо. Твой отец просил меня узнать, не занята ли ты.

– Что-то произошло?

– Пиратство в системе Сол, – ответил Илич. И, помолчав, добавил: – Пиратство, требующее особых мер по обеспечению безопасности. Возможно, ответить придется несимметрично.

– Пропало что-то существенное?

– Да. Но, пока ты не ушла к отцу... – Лицо Илича смягчилось. На нем на миг мелькнуло то же выражение, какое Тереза подметила у Джеймса Холдена. Жутковатое чувство. – Не хотелось бы лезть не в свое дело, но мне показалось, что сегодняшнее занятие со сверстниками тебя растревожило.

Вот и самое подходящее время. Как раз можно сказать, что ей стало неловко с Мьюриэль и не хотелось бы снова видеть эту девочку в здании. Или что ей хочется пойти со школой в следующий поход. Чтобы и ей можно было выбраться украдкой из палатки и целоваться с мальчиком у воды. Она даже ощутила слова у себя на языке – твердые и плотные, как леденец. Но ведь Илич и так знает. Уже знает.

«Опаснее всего тот, кому ты доверяешь».

– Тереза, – напомнил о себе Илич. – Что-то не так?

– Нет, – сказала она. – Все в порядке.

Глава 10

Элви

Что-то было не так. Что, она не понимала, просто ее захлестнуло ощущение неопределенной опасности. Она кашляла, ее рвало дыхательной жидкостью, а Фаиз уже ушел. Его амортизатор стоял пустой и сухой. Покинут довольно давно.

Понемногу возвращалась память. Она на «Соколе». Они начали разгон к системе Текомы. Она лежала в амортизаторе. И что-то пошло не так.

Элви хотела спросить: «Что случилось?» – но вышло невнятное: «Оучись?»

– Пока не пытайтесь говорить, – предупредил медтехник. Симпатичный молодой прапорщик по имени Кальвин, темнокожий, с чертами лица, наводившими на мысль, что предки у него, как у Элви, откуда-то с запада Африки. Она не спрашивала, догадываясь, что парень скорее всего сам не знает. Лаконцы не разделяли интереса землян к этническим корням. Его лицо то собиралось в фокус, то уплывало, а сознание Элви казалось странным образом разъединенным с телом.

– Шо... – начала она, пропустив его совет мимо ушей, и ее снова стошнило.

– Перестаньте, – настойчивее произнес Кальвин. – Вы выдали реакцию на введенный вам седативный коктейль. Мы перед оживлением провели несколько анализов и процедур, чтобы удостовериться, что ущерба нет.

Кальвин стянул с ее руки медицинский манжет, которого Элви до сих пор не замечала. Втягивающиеся иглы ужалили кожу. Несколько трубок шли к стоявшему рядом монитору-дозатору. Элви всмотрелась в экран, хотела прочитать, чем ее накачали, но зрение не фокусировалось. Буквы оставались загадочными кляксами.

– Что?.. – Это ей удалось выговорить без тошноты, но закончить Элви не успела, потому что в комнату ворвался Фаиз.

– Вы ее разбудили? А меня почему не вызвали? – рявкнул он на Кальвина. – Покажите ее карту!

Схватив ее за руку, Фаиз немножко переусердствовал с силой. Вблизи Элви рассмотрела, что глаза у него покраснели и припухли. Он что, плакал?

– Сэр, – начал Кальвин. – Она проснулась, потому что процедуры окончены. Сканирование показало, что все чисто. Мозг не пострадал. Должен функционировать нормально.

– Мозг? – прохрипела Элви. – А что, ожидалось, что пострадает?

Горло саднило. Фаиз схватил бутылку воды с соломинкой, поднес к ее губам. Элви жадно напилась. Как видно, ее мучила жажда. Вот. Приятно понять, в чем дело.

– Были опасения, сможешь ли ты самостоятельно дышать, – объяснял Фаиз, пока она глотала воду. – Просто хотели проверить.

– Вероятность была невелика, – добавил Кальвин, – но мы приняли все меры предосторожности.

– Что случилось? – наконец выговорила Элви, утолив жажду.

– Вы ей не сказали? – бросил Кальвину Фаиз. – Элс, милая, ты выдала реакцию на...

– Нет, – перебила она. – Это я поняла. Где мы? Я ощущаю гравитацию. Переход закончен?

Кальвин уже собирал свои инструменты. Похоже, что бы там с ней ни случилось, он счел свои обязанности выполненными.

– Да, – ответил Фаиз. – Мы уже в Текоме. Заканчиваем торможение.

– Я так надолго вырубилась?

– Я до смерти перепугался, Элс. Провел уйму анализов, добываясь, чтобы такое не повторилось.

– График Сагали...

– Сагали со мной согласился. Удивил меня, да. Думаю, обмочил мундир от перспективы лишиться Дуарте лучшего из прикормленных биологов.

Кальвин фыркнул и поспешно спросил:

– Я здесь закончил. Вам что-то еще нужно?

– Нет, – сказала Элви. – Или да. Когда я смогу вернуться к работе?

– Хоть сейчас, если вы в состоянии.

– Спасибо, Кальвин, – сказала ему Элви.

Парень ответил салютом и улыбкой.

– Рад стараться, майор.

И вышел из палаты.

– Может, лучше тебе отдохнуть? – хмурясь, предложил Фаиз. Элви засмеялась. Он редко хмурился и при этом походил на надувшегося ребенка.

– Я в полном порядке, – заверила она и поправилась: – Ладно, не в полном. Но скоро буду. Это просто от перелета.

– Мне это не нравится, – сказал Фаиз.

Она взяла его за руку. Ладонь оказалась липкой. Ему не помешал бы хороший душ.

– Стало быть, система Текомы, – продолжала Элви. – Зонды доложили, что здесь нейтронная звезда? – Она попыталась сесть. Голова немного кружилась, поэтому встать она не спешила.

– Так и есть, – согласился Фаиз, поддерживая ее за плечи. – Только, знаешь ли, не из обычных.

Головокружение отступало, и зрение тоже прояснилось. Текст на экранах уже состоял из отчетливых букв и цифр.

– Помогите встать, – попросила она и спустила ноги на пол. Фаиз придержал ее за талию. Колени немножко подгибались, но корабль шел, судя по ощущению, примерно на четверти *g*, так что стоять было нетрудно.

Фаиз, окинув ее взглядом, отнял руку, но держался рядом, готовый подхватить, если пошатнется. Элви удержалась.

– Мне бы во что-нибудь одеться, – попросила она. Фаиз, кивнув, открыл ближайший шкафчик. – Что значит: «не из обычных»?

– Ее обчистили, – сказал Фаиз, бросая ей на койку форменную одежду и чистое белье. – Массивная, быстро вращающаяся нейтронная звезда, и ни планет, ни планетоидов, ни астероидов – пусто.

Элви стянула тонкий балахон, в котором ложилась в жидкостный амортизатор, и отправилась в душ. Фаиз сопровождал ее с полотенцем в руках. От горячей воды снова поплыла голова, но Элви придержалась за стену, подышала, и через несколько секунд все прошло. Фаиз пристально следил за ней, но расслабился, убедившись, что все хорошо. Смывая с кожи остатки клейкой жидкости, Элви заметила:

– Для создания алмазного резервного носителя они тоже все подмели.

– Здесь больше того. Речь не только о небесных телах. Пусто – значит пусто. Ни микрометеоров. Ни пыли. Ни свободных протонов. Такого полного вакуума еще свет не видел.

– Это... да, необычно. – Элви выключила воду, Фаиз кинул ей полотенце. – То есть – а такое вообще возможно?

– Нет. Если только что-то поддерживает здесь чистоту.

Мы еще в Млечном Пути. Должен время от времени залетать какой-то мусор. Значит, систему не только очистили, но и сохраняют такой. И заметь: от этих врат до звезды в пять раз дальше, чем в остальных системах. И расположены они над плоскостью эклиптики. Под углом девяносто градусов. Я уж не говорю о самой звезде.

– А со звездой что?

– Она массивная. В смысле добавь плевков, и коллапсирует в черную дыру.

– Значит, хорошо, что вокруг некому плюнуть.

– И верно. Оказывается, нейтронные звезды внешне – ничего особенного. Если не видишь магнитных полей, она просто... не впечатляет. В смысле плотность материи на грани возможного, силы такой мощности, что взламывают пространство-время. Само собой. И адски яркая, кто бы спорил. Но я ожидал какого-нибудь светового шоу. А тут просто очередное солнце, только поменьше и вроде как позлее других. Вращение у нее достаточно быстрое, чтобы причислить к пульсарам. Мы держимся подальше от магнитных возмущений.

Элви глубоко вздохнула. Она слышала тревогу в словах Фаиза. И понимала причину.

– Я в порядке, – твердо объявила она.

– Ничего подобного. Ты чуть не погибла.

– Но ведь не погибла. А теперь все будет в порядке. – Ладно уж...

Закончив вытираться, Элви запихнула полотенце в утилизатор. Фаиз, достав из шкафчика крем для волос, принялся втирать ей в короткие тугие кудряшки. Удивительно приятно, когда тебе массируют голову, подумала Элви. Если нашла мужчину, который помогает тебе бороться с пересыханием волос, держись за него.

– Вот этим можешь заниматься целый день, – сказала она.

– Будь у нас целый день, я бы переключился ближе к экватору, – ухмыльнулся он в ответ. – Но через пару часов мы погасим ускорение, а ты вроде бы собиралась не откладывая приступить к работе?

Пока она одевалась, он закрыл и убрал банку.

– И о чем они думали? – спросила Элви.

– Хм-м?

– Сотворили нейтронную звезду такой величины, что она зависла на грани коллапса, а потом вывели систему, чтобы его не допустить. И вывели кольцо из эклиптики.

– Думаешь, это они сотворили нейтронную звезду? По мне, вероятнее, что просто построили врата в эту паршивую систему.

– Каким образом? Им для строительства врат нужна была жизнь. В Сол нашлись живые организмы, которые они превратили... – Она помахала рукой.

– Да, – согласился Фаиз. – Ну, не знаю. Честно говоря, я уже так переполнился тайнами и чудесами, словно их вливают из пожарного шланга.

Элви оправила форму и под выжидательным, бдительным взглядом Фаиза почистила зубы. Еще раз критически осмотрев себя в зеркале, сказала:

– Пойдем-ка повидаем босса.

Фаиз перехватил ее и обнял, помяв старательно разглаженный костюм.

– Спасибо, что не умерла, Элс.

* * *

За сорок восемь часов они сделали все, что полагалось. Система корабля проанализировала данные телескопического наблюдения. Элви нанесла обычный визит вежливости катализатору, после чего провела эксперимент. Протомолекула открыла связь, и хлынула информация. «Сокол» высматривал любые изменения, любое воздействие. Элви дала себе время поспать. Близкое знакомство со смертью оказалось утомительным, хоть она и не сознавала тогда, что с ней происходит. Да к тому же в этот раз смотреть было особенно не на что.

После завершения анализов на мостик явился Сагали, закрепился, держась одной рукой и одной ступней. Его взгляд перебежал с экрана на экран, с удовольствием вбирая потоки данных.

– Мехмет, – обратилась к нему Элви.

– Майор Окойе? – отозвался Сагали, кивнув на главный монитор. Увеличенная во весь экран, крошечная, но массивная звезда была единственным объектом на два световых года от врат Текомы. – Скажите, что эта система – самое значительное открытие на все времена.

– Не скажу, – ответила Элви. – Почти уверена, что приз все еще остается у большого зеленого алмаза. Но и это потрясает.

Нейтронная звезда на экране была слишком горяча, чтобы много излучать в видимом диапазоне, и все равно изображение пришлось затемнить, чтобы она не ослепила всех присутствующих.

– Больше трех звездных масс запихнули в шарик размером в половину Род-Айленда, – заметила Джен.

– Какого «рода»? – не понял Травон. Он был марсианином – до того, как все они стали лаконцами.

– Майор Окойе, – игнорируя болтовню, заговорил Сагали. – Правильно ли я понимаю то, что вижу? Единственная ни на что не годная звезда без единого артефакта или пригодной к эксплуатации планеты в системе?

Его тон насторожил Элви. Слишком формальный. Словно он требовал ответа под присягой. Ей показалось, что ее втягивают в какой-то ритуал, понятный ему и непонятный ей.

– Похоже на то, – осторожно ответила она. – Да.

Сагали кивнул ей тяжелой головой. Он просто лучился от удовольствия.

– Через пять минут зайдите ко мне в кабинет.

Он подтянулся и скрылся в коридоре. Фаиз, поймав взгляд Элви, поднял бровь.

– Мне тоже не по себе, – призналась она.

И еще раз просмотрела полученные данные – как конспект перед экзаменом. Элви донимало неприятное чувство, будто она что-то упустила.

– Кофе? – предложил вошедшей Элви Сагали. Он плавал у кофейной машины, встроенной в стену кабинета. Рядом парили две питьевые груши.

Он впервые проявил некое подобие гостеприимства.

Элви встревожилась.

– Конечно, – сказала она, скрывая волнение.

Машина зашипела, впрыскивая в грушу кофе.

– Подсластить? Забелить? – предложил Сагали, продолжая заниматься машиной.

– Не надо.

Сагали повернулся и мягко толкнул к ней одну грушу. Поймав ее, Элви продавила перепонку на питьевой трубке и стала пить. Кофе был в самый раз: горячий, но не обжигающий, горьковатый, крепкий, с ореховым оттенком.

– Спасибо, – сказала Элви, дожидаясь падения второго ботинка.

– Я хотел бы от лица Лаконской империи выразить благодарность за ваше участие в проекте. Теперь, распознав систему как бесполезную, мы переходим к военной фазе операции, – проговорил Сагали после короткой паузы для глотка кофе.

– К чему?

– Пока мы с вами разговариваем, в систему входят два корабля, – пояснил он. – Оба без команды, управляются удаленно, нашим кораблем. Оба – большие грузовые суда.

Одно пустое. Другое с боезапасом.

– С боезапасом?

– Верховный консул нашел способ использовать строительные платформы над Лаконией для выделения и хранения антиматерии. Второе судно несет около двадцати килограммов в магнитном контейнере.

У нее опять закружилась голова. Может быть, Элви еще не оправилась после близкого знакомства со смертью. А может, это от слов начальника, что он располагает взрывчатой силой,

достаточной, чтобы превратить в стекло поверхность целой планеты. Или от того и от другого сразу.

Она дала себе время отдышаться. Потом спросила:

– А зачем?

– Отправляя эту экспедицию, верховный консул имел в виду две цели, – сказал Сагали. – О задачах первой миссии вас уведомили. Вы с вашей группой сделали для исполнения задания все возможное, что я и отмечу в рапорте командованию флота.

– Прекрасно, спасибо. А что же второе?

– Вторая часть миссии вне вашей компетенции, и потому вам сообщили лишь то, что вам необходимо знать. Мы должны были отыскать наименее ценную систему.

Такую, как эта.

Элви выпустила грушу, и та медленно поплыла от нее.

– Мне позволено спросить, в чем состоит вторая стадия? Если нет, не вижу смысла в этом разговоре.

– Позволено. Собственно, ваше участие чрезвычайно важно, и я вполне уверен, что для новой цели вы будете работать столь же успешно, хотя больше не заведуете операцией.

Теперь в глазах Сагали ей померещилось что-то похожее на сочувствие. Элви впервые ощутила, что нравится адмиралу. По крайней мере, он ее уважал.

– Первостепенная задача верховного консула: поиск средства защиты человечества от того, что уничтожило строителей врат. – Сагали помолчал, словно сам не до конца верил сказанному. Словно слишком долго держал эти слова при себе. – Намеченное испытание – первый шаг к нашей цели.

Стукнув пальцем по столу, он подвесил над ним схему Текомы. Нейтронная звезда в центре, врата вдалеке, «Сокол», парящий на полпути между ними, и два новых судна, плывущих от точки входа.

– Мы будем мониторить эту систему всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами – как обычно, – говорил Сагали. – Только теперь диспетчерская центрального хаба будет гнать через врата корабли, пока нагрузка не достигнет критической точки. И тогда мы отправим в эту систему пустой грузовик.

– Вы хотите намеренно превратить корабль в летучий голландец?

– Да. После его исчезновения, пока из-за нагрузки перехода еще нельзя будет проникнуть во врата, мы установим взрыватель на магнитном контейнере с антимагией и пошлем сюда второй корабль. Он тоже должен исчезнуть, и вместе с ним – установленный на детонацию груза взрыватель.

Под ложечкой у Элви все сжалось, словно от удара под дых. Вдруг стало трудно дышать.

– Зачем вам...

– Затем, что верно одно из двух, – мгновенно ответил Сагали. – Либо за вратами есть разум, намеренно уничтожающий наши корабли, либо мы имеем дело с естественным свойством системы врат. Таким образом мы решим этот вопрос.

Элви поймала скобу захвата и подтянулась к переборке. Сердце у нее частило.

– Думаете, вам по силам их убить?

– Не в этом дело. Погибнет то, что находится за вратами, или нет, главное, оно будет наказано. После эксперимента мы снова разгоним энергию до предела и проверим, будет ли захвачен следующий корабль. Если он переживет переход, мы поймем, что бомба убедила противника изменить свое отношение к нам.

– Страшный замысел.

– Если ситуация изменится, мы поймем, что враг способен реагировать. Что он действует целенаправленно и, возможно, разумен. Если нет, мы будем повторять эксперимент, пока не

уверимся, что изменений не будет. По вашему лицу я вижу, что вы хотели бы поделиться какими-то соображениями.

Элви сама удивилась, как свирепо зазвучал ее голос:

– В прошлый раз, когда мы их рассердили, они отключили сознание всей системе Сол и создали существенный сдвиг в активности виртуальных частиц. Пуля, которую они выпустили, непостижимым для нас способом разорвала нежелательное взаимодействие. Все, что они проделывают, опровергает наши представления об устройстве мира. А вы собираетесь сбросить на них бомбу?

Сагали кивнул, одним жестом соглашаясь и извиняя ее.

– Будь у нас возможность послать им строгую ноту, мы бы так и поступили. А с тем, что не владеет речью, приходится вести переговоры вот так. Если оно проделывает что-то, что нам не нравится, мы причиняем ему боль. Всего один раз. Если оно способно анализировать причинно-следственные связи, то поймет.

– Господи.

– Агрессоры здесь не мы. Не мы нанесли первый удар. До сих пор мы даже не отвечали на удары.

В каждом слове Элви слышала Уинстона Дуарте. Даже в интонациях Сагали звучал его голос. И от этого Элви захотелось швырнуть грушу с кофе ему в лицо. К счастью, та уже отплыла на несколько метров, спасая ее от трибунала.

– Благодаря вам мы нашли подходящую для образцового наказания систему. Во всей империи нет более безопасного с точки зрения человечества места для испытаний.

– Это негодная, негодная идея. По-моему, вы меня просто не слышите.

– Для первых экспериментов с атомными бомбами, – и правда не слыша ее, продолжал Сагали, – человечество выбирало необитаемые острова. Считайте, что здесь наш атолл Бикини.

Элви рассмеялась ему в лицо, хотя не видела ничего смешного.

– Боже мой, какие же вы тупые, – сказала она. Сагали нахмурился, но она уже не могла остановиться. – Прежде всего, атолл Бикини не был необитаемым. Там жили люди, которых лишили родины и выслали с острова. И еще остров был полон растений и животных, и все они погибли. – Установлено, что в этой системе нет ничего... Элви не дала ему закончить:

– И кроме того, я же вам сказала, что у тех, кто живет в этих вратах, совсем иное понимание физики, чем у нас. Вы уверены, что их гнев ограничится системой Сол? Наверняка вы этого не знаете. Не можете знать.

– Пассивность не спасла строителей врат. И нас не спасет. Верховный консул взвесил риск и пришел к выводу, что прямое превентивное действие в данном случае – наилучший из доступных нам вариантов.

Адмирал развел руками. «Что тут поделаешь?» Как будто слово Дуарте было природной силой, неодолимой и не допускающей сомнений. С тем же успехом Элви могла бы спорить с аудиозаписью.

– Ваш эксперимент – это размен n на единицу, где n равно числу миров, которые вы готовы уничтожить ради удовлетворения любопытства Дуарте.

Глава 11

Алекс

Верфи Каллисто являли собой превосходный образчик старой идеи, что корабли и здания не застывают навсегда после того, как их построили. История берет, что попадет под руку, и применяет находку, внося изменения согласно нуждам текущего момента и сама играя роль архитектора.

Когда-то база Каллисто была разделена на части. Гражданские верфи, на манер средневековых селений под стенами крепостей, вырастали вокруг военных верфей Марсианской республики, пока война и коммерция не сравнялись. Свободный флот, еще не заявивший о себе официально, атаковал марсианскую часть и превратил половину базы в прах и трупы. Из-за великого дезертирства, заронившего зерно Лаконии, восстановление марсианских верфей так и не довели до конца. В голодные годы их забросили. Но недвижимость осталась на месте, и по мере надобности военные строения снова начали использовать. Умирая, все становится фундаментом для будущего.

Они провели на Каллисто уже восемь дней и до сих пор не знали, когда смогут отчалить. Здесь стояло несколько больших грузовых кораблей, пригодных для контрабанды «Предштормового» из Сол, если подполье выберет этот вариант. Однако подполье могло решить и оставить их в системе. При всех амбициях Лаконии система Сол все еще превосходила все внешние числом людей, станций и кораблей. Правда, соотношение менялось. Еще при жизни Алекса порог мог быть преодолен, и тогда Сол станет действительно рядовой системой среди множества других. Останется, конечно, старейшей, самой человеческой системой империи. Но не домом с большой буквы. Появятся тысячи домов, и, если исторические примеры о чем-нибудь говорят, через поколение-другое каждый будет считать свой самым главным.

Ресторан, куда привел его Каспар, располагался в укрепленном куполе явно марсианской конструкции. Возможно, прежде здесь находилось товарное депо. Теперь все запиравшиеся электронными системами люки пропали, а мощные стены были завешаны батиками и коврами в количестве, какое декоратору удалось втиснуть на квадратный метр. Меню числилось марокканским, но зернистая структура грибов и говядины выдавала продукты, выращенные в баке. Может, рецепты и пришли с Земли, но Алекс узнавал вкус астерской пищи.

Они с Каспаром и остатками команды одевались в комбинезоны с принтами «дуги и треугольника», которые заявляли об их принадлежности к газодобывающему кооперативу «Харом Аллан», действующему на юпитерианских лунах. «Предштормовой» прятался в старых копиях, отмеченных на планах как разрушенные обвалом. Здесь была перевалочная база контрабандистов АВП, и они рассчитывали пересидеть несколько недель, пока не уляжется тревога в лаконских службах безопасности.

А команда тем временем могла получить отпуск с корабля для выпивки, борделей, игры в голго и гандбол, а также в двумерный футбол. Или посидеть по-турецки на мягких тканых подушках, слушая мелодии флейт и барабанов из невидимых динамиков, и пожевать кусочки грибницы, притворяющиеся пшеничной мукой, с кубиками острой говядины, никогда не бывшими коровой.

Передышка на Каллисто давала и еще одно преимущество: возможность оценить температуру системы. Реакцию на известие об атаке подполья. И реакция оказалась неожиданной для Алекса.

– Ничего? – спросил Каспар.

Алекс еще раз прокрутил новости. Рост производства продовольствия на Земле и Ганимеде за последний квартал соответствует планам. Группа из зоны совместных интересов Крас-

ноярк – Саха подала запрос на торговую автономию. Поселение на Навнан Гар сообщает об открытии под землей мощной кристаллической сети – собирается особая научная комиссия для определения, новый ли это артефакт чужаков или естественный феномен планеты. Первый солист группы «ТУВА» выслал свое фото в обнаженном виде несовершеннолетнему фанату, власти ведут расследование. Научный директорат Лаконии сообщает о наметившемся прорыве в изучении мертвых систем: обнаружен огромный зеленый алмаз, содержащий, по мнению экспертов, записи, которые после расшифровки могут поведать историю создателей врат.

Два лаконских фрегата и транспорт с особо важным политическим представителем на борту, уничтоженные в системе Сол, нигде не упоминались. По крайней мере, поиск в новостях ничего не давал. Но, поскольку Сабе было точно известно, что Лакония регулирует поисковые запросы, Алекс продолжал искать и надеяться. Вдруг что-нибудь. Хотя...

– Нет, – признался он, – ничего.

Каспар отломил кусок хлеба и зачерпнул им немного тажина.

– Не знаю, радоваться или огорчаться.

– Когда я был таким, как ты, – сказал Алекс, – о подобном происшествии кричали бы во всех новостях. Земля и Марс выдали бы официальные заявления, а восемнадцать аналитических программ рассматривали бы со всех возможных сторон каждое сказанное ими слово. Тысячи пиратских радиостанций Пояса объявили бы по меньшей мере о дюжине фракций, принявших ответственность на себя, и кто-нибудь непременно утверждал бы, что все это – заговор иезуитов.

Каспар ухмыльнулся. Один «глазной зуб» у него был желтоватый – Алекс только сейчас заметил.

– Скучаешь по старым временам, дедушка?

Алекс ответил вопросительным взглядом.

Каспар скроил мрачную мину и завел с растяжкой:

– Когда я был твоих лет, мы каждое утро выжимали себе воду из камня, а по долине Маринер бродили динозавры.

Алекс подавил укол обиды и рассмеялся.

– Какое-никакое, а разнообразие было. – Он кивнул на льющийся из настольного монитора поток новостей. – А это все как будто отцензурировано одним бюрократом где-нибудь на Луне. Все поют с одного голоса.

– Вполне вероятно.

– Да, – решил Алекс закрыть тему, – вполне.

Каспар по-кошачьи потянулся, постучал пальцем по монитору. Новости сменились интерфейсом ресторана.

– Поделит счет, – предложил Алекс.

– В другой раз ты меня угостишь, – отказался Каспар. – Да и то. Были бы настоящие деньги...

Всю команду на Каллисто снабдили фальшивыми удостоверениями личности и ввели их в систему. Подполье позаботилось даже о биометрии и банковских счетах. От сознания, как все это хрупко, жить было немножко неуютно. Лаконская система, попади в нее документы Алекса, выбросила бы сигнал тревоги. Проще простого угодить за решетку и провести там остаток жизни. Все в любой момент могло рухнуть.

Как всегда, если быть честным. Просто сейчас об этом труднее забыть.

– У меня встреча с техниками на третьем уровне. Там в баре показывают комедию со свободным микрофоном для зрителей и виски подают за полцены. И караоке, чтобы красавчик вроде меня успел определиться, с кем уйти домой.

– Выпей там за меня и не делай ошибок, о которых нельзя будет пожалеть наутро, – сказал, поднимаясь с подушки, Алекс. – Я тоже найду, чем заняться.

– И то верно, – согласился Каспар. – Ладно, увидимся.

В коридоре они расстались. Каспар направился по проходу, уводящему в глубину спутника, Алекс же свернул налево к докам и спальным гробикам, предоставлявшимся для ночлега отпущенным на берег морякам. Вроде него.

Он шел, засунув руки глубоко в карманы и глядя в землю перед собой. Избегая встречаться глазами с другими прохожими. На разветвлении коридоров стояла скульптура, как видно, еще не решившая, изображать человека или транспортный челнок. Над ней висел список кораблей и причалов. Всех, кроме его корабля.

Алекс с мальчишеских лет помнил двоюродного дедушку Нарендру, который жил у них, пока ремонтировали его групповой дом в Иннис-Шеллоус. С такой потаенной усмешкой дед прогуливался по коридорам Бункерхилла, слушая, как они с приятелем Джонни Зу обсуждали тонкости новой игры. То же выражение Алекс ощущал сейчас на своем лице.

Наверное, каждое поколение рано или поздно начинает чувствовать себя не на месте. Возможно, оттого что человеческий разум помечает как «норму» то, что испытал в юности, и потом щетинит шерсть на все, что не слишком похоже на прошлое. Или, может быть, Лаконское завоевание в самом деле не похоже на все, что случалось прежде. Так или иначе, верфи Каллисто больше не ощущались знакомой Алексу Солнечной системой. Он чувствовал себя так же, как в первые дни под властью Лаконии. В ушах звенел неотступный страх, что все готово рухнуть. Амос говаривал, что все вокруг – Балтимор. Теперь стало иначе. Теперь все вокруг было Мединой.

Его гробик располагался рядом с доками. Этот еще из просторных: высота метр с лишним позволяла сидеть на кровати. Старый матрас из переработанного геля для амортизаторов и слоистый, из стекла и сетки, потолок, имитирующий космос над головой. Алекс заполз внутрь, закрыл доступ к двери и устроился поудобнее. Он собирался посмотреть пару развлекательных программ. За годы он стал специалистом по неонуарным триллерам, а эти выпустили на Церере еще до захвата ее Лаконией, и там были любопытные монтажные эффекты. Правда, он опасался, не выдаст ли себя, пропуская их через систему гробика. Вдруг Лакония в курсе, какие фильмы он смотрит, какие блюда предпочитает, как держится при ходьбе?.. Вдруг следы, которые он оставляет за собой, позволят заглянуть за созданную Сабой маску? Не приведет ли он службу безопасности к своим дверям, оставаясь самим собой? Может быть, лучше ему посмотреть что-нибудь популярное, жанровое, держаться в гуще стада?

Он вывел на систему гробика свой профиль. Красная иконка обозначала закрытую связь с «Предштурмовым». Забавно, что он больше опасается выдать себя лаконцам просмотром привычных фильмов, чем попасться на шифрованной связи с подпольем. Но что было, то было. Ввязываясь в это дело, он решил довериться старым технарям АВП. Теперь уж нет смысла начинать в них сомневаться. Алекс открыл сообщение, и с экрана на него взглянул сын.

– Привет, пап. – Улыбка Кита напомнила Алексу о Жизель. Кит был больше похож на мать, чем на отца. И слава богу. – Удивился, так скоро получив от тебя весточку. Ты в системе? В смысле ты мне не говори. Знаю, все тишком. Но привет. В этом семестре все отлично. По трем своим секциям я получил высшие отметки, а на две другие, – его улыбка стала покаянной, – мне дали лучшего репетитора. И... а, да. Я встречаюсь с девушкой, и, по-моему, это у нас серьезно. Зовут ее Рохани. Я ей не рассказывал о... о тебе. Но вдруг получится как-нибудь, чтобы тебе с ней познакомиться. Мама говорила с ее родственниками, и, думаю, у тебя скоро может появиться невестка. Так что хорошо бы, да?

Сообщение было длинным, Алекс слушал с теплым чувством в груди – и с грустью. Не познакомится он с этой девушкой. И не попадет на свадьбу, если будет свадьба. Рохани останется в списке, в котором уже есть Амос, Холден, Кларисса. В списке потерь. Еще одна потеря. С этим придется жить. Так надо.

Его ручной терминал звякнул, на его фальшивый идентификационный номер пришло сообщение от Сабы с меткой высшей срочности. Пока Алекс открывал его, в животе все сжалось от ужаса.

«Уведомляем, что „Буря“ сошла с орбиты и движется к Юпитеру».

– Ну, – сказал себе Алекс, – вот дерьмо!

* * *

– Мой малыш собрался жениться? – говорила Бобби, не отрывая, однако, взгляда от ящиков. – Считай, девочке повезло, если я не выхвачу его из-под носа.

Склад располагался на краю комплекса. Он не использовал силовую сеть станции, а систему жизнеобеспечения ему смастерили из остатков старого астероидного прыгуна. От выпота на стенах и потолке остались леопардовые пятна. Крупный груз вроде торпед пока держали на «Предштормовом». А вот добычу помельче с лаконского грузовика переложили в четыре широких ряда поддонов и доставили на склад. Бобби занималась распаковкой, перерывая ящики и составляя собственный инвентарный список. На некоторых коробках темнели ожоги. В воздухе висел меловой запах расслоившейся от жара керамики.

– Ты очень спокойно перенесла известие о приближении самого большого боевого корабля империи, – заметил Алекс.

Глубоко вздохнув, она терпеливо ответила:

– Джиллиан всех оповестила. «Буре» до нас еще не один день пути, а здесь работа не ждет. Надеюсь, ко времени, когда я с ней управлюсь, созреет план.

– А пока с ним как?

– Пока никак. Я дам тебе знать.

Алекс присел на коробку. Ему было тяжело – слишком тяжело для мягкой гравитации спутника.

– Бобби, что мы здесь делаем?

Она помолчала, уставившись на него. Большую часть ее взглядов он знал наизусть. Различал, когда она говорит с ним как друг, а когда – как капитан. Прямо сейчас она слушала его как женщина, с которой он давным-давно летал на «Роси». Та женщина, которую он знал еще до Ио.

– Воюем, – сказала она. – Подрываем силы и влияние врага. Лишаем его доступа к ресурсам.

– Само собой, – согласился Алекс. – Только с какой целью? В смысле мы стремимся вернуть власть Союзу перевозчиков? Или хотим, чтобы каждая планета собирала своих стрелков, чтобы посмотреть, что из этого выйдет?

Бобби скрестила руки на груди и прислонилась к штабелю коробок. В резком свете рабочих ламп Алекс различал, как огрубело ее лицо и кисти от десятилетий тяжелой работы и постоянного облучения. Следы возраста были ей к лицу. Уместны.

– Сдается мне, ты спрашиваешь, в самом ли деле так плох авторитаризм, – сказала она. – Я не ослышалась?

Потому что, да, так плох.

– Я не о том. Просто... Сам не знаю о чем. Я что-то растерялся. И, пожалуй, немножко подавлен.

– Да, – сказала Бобби, – это у нас со всеми.

– И с тобой?

– Мы утратили цель. Может, тот комиссар дал бы нам что-то, что позволило бы загнать ублюдков в каменный век. То есть, может, и не дал бы, но теперь уже не узнать. Так что, да, и я тоже брюзжу. Но тебя, как видно, не то гложет?

– Я не понимаю, как должна выглядеть победа.

– Ну, по мне, это когда, умирая, знаешь, что человечество теперь немножко лучше, чем если бы ты вовсе не родился. Чуть свободнее. Чуть добрее. Капельку умнее. Что тираны, ублюдки, садисты из-за меня покусали чуть меньше народу. По мне, достаточно.

– Да-да, – начал Алекс, но она еще не закончила.

– Большая стратегия не по моей части. Это для умников. Я пехота, пехотой и останусь. Эти люди хотят превратить все планеты в тюрьмы и решать, кто будет охранником, а кто – заключенным.

– А мы против, – сказал Алекс. Он слышал в своем голосе усталое согласие. – Ты никогда не думала, что Наоми права? Может, лучше действовать изнутри системы? Так ее легче изменить.

– Она права, – сказала Бобби, поворачиваясь спиной к инвентарному списку. – Штука в том, что я тоже права. Наоми хочется, чтобы был единственно правильный способ все уладить и притом такой, который не требует крови.

– Но способа два, – сказал Алекс, решив ее поддержать.

– Но способа нет вообще, – возразила Бобби. – Мы просто сопротивляемся всеми доступными нам средствами и надеемся пережить ублюдков.

– Сама знаешь, наше время на исходе, – заметил Алекс. – Я думаю о Такеши.

– Я известила его близких, – сказала Бобби. – Терять людей всегда тяжело. Нам до сих пор везло, но это не могло продолжаться вечно.

– Я про то, что он у тебя был из лучших, а возрастом под шестьдесят. Не считая Джиллиан, Каспара и еще немногих, все наше сопротивление – старые астеры. Старый АВП.

– Согласна, – сказала Бобби. – И слава богу. Они хоть большей частью понимают, что делают.

– А за ними идет целое поколение, не знавшее АВП. Они не сражались за независимость с внутренними планетами. Они росли и богатели, работая в Союзе перевозчиков. На важной, уважаемой работе. Детишки вроде Кита. Как их убедить, что надо отдать все, что они имеют, ради войны?

Бобби замерла, обернувшись к нему.

– Алекс, с чего это ты?

– Я подумал, что у нас пока есть сопротивление, потому что хватает стариков, привыкших сопротивляться непобедимому врагу. Они иммунны к страху перед поражением. Но, по моему, когда они уйдут, нам конец. Как движению. Как исторической силе. Тех, кто родился при Союзе перевозчиков, не убедишь воевать без надежды на победу. И, возможно, по большому счету у нас только и остался план Наоми – выиграть политическими методами.

Он увидел, как застыл взгляд Бобби.

– Без надежды на победу? – повторила она.

– Ну, – сказал Алекс, – а разве не так?

Глава 12

Бобби

Война без надежды на победу.

Алекс ушел, вернулся на «Предштурмовой» обдумывать возможности эвакуации. Если такие еще были. Его слова остались.

Временный склад, который нашли им друзья из АВП, пропах горелой керамикой и старым льдом. Бобби так долго проработала здесь, что этот запах уже не вызывал рвотного рефлекса: своего рода победа.

Она ввела в инвентарный список новые пункты: двенадцать ящиков лаконских топливных элементов. Предназначались они для «Бури», но сгодятся и «Предштурмовому». Лаконские реакторы не принимали топлива других марок, а значит, ее корабль еще полетает. Если «Буря» не распылит его на атомы. Однако на «Предштурмовом» мало места для хранения груза. Вскоре им придется решать, какую часть награбленного возить с собой, а какую припрятать или продать. Топливо, пули или продовольствие. Иерархия потребностей, военный вариант. А теперь, когда на них идет дредноут класса «Магнетар», каждое решение приобретает еще больший вес.

Без надежды на победу...

Бобби была на Медине, когда из Лаконских врат впервые вышла «Буря». И видела применение ее основного вооружения на оборонительных батареях – с одного выстрела превратившихся в атомные спагетти. В обороне системы Сол против атаки «Магнетара» Бобби не участвовала, но смотрела записи. Вся совместная мощь коалиции Земля – Марс лишь притормозила «Бурю». Бобби не обманывала себя надеждой на успех их одинокого истребителя. Им оставалось только играть в прятки.

Алекс до «Росинанта» двадцать лет отслужил во флоте. Он был устойчив к давлению. Но при последней встрече с Наоми с ним что-то случилось. А может, это из-за известия о свадьбе сына. Или просто он малость умней ее, или не так зол, или чуть больший реалист. Может, он просто раньше нее увидел, почему эту войну не выиграть. Подполье и в лучшие времена держалось на слюне и изоленте. Саба с ветеранами АВП не упускали случая потрепать лаконцам нервы, но, если совсем честно, их единственным осмысленным достижением стал «Предштурмовой». Корабль, а с ним и ударная группа Бобби были единственным оружием против Лаконии. У Союза перевозчиков пушек не имелось, а космические города обезоружили согласно мирному договору. Флоты коалиции Земля – Марс при всем желании не могли помочь: теперь на каждом корабле присутствовал лаконский офицер, отчитывавшийся непосредственно перед адмиралом Трехо.

Если уж Алекс пал духом!... И Бобби знала наверняка, что не он один. Неудача с захватом комиссара и нависшая угроза – идущий от Земли дредноут, – тут каждый в команде задумается, стоит ли рисковать головой ради боя с непобедимым врагом.

И, как ни противно это признавать, Алекс говорил правду.

Старая гвардия АВП, готовая сопротивляться ради самого сопротивления, не вечна. Среди прочего, Бобби следовало бы заняться подготовкой нового поколения бойцов. Только вот очереди к ней пока не выстраивались. Дуарте и его люди были не дураки: перемены к худшему шли очень постепенно. Произносились красивые речи об автономии и взаимном уважении. Людей приучали к мысли, что король не бывает неправ. К тому времени, когда такое случится, когда дела пойдут настолько плохо, чтобы вдохновить на сопротивление молодежь, их с Алексом, как и АВП старой школы, уже не будет на игровой доске. Кто тогда сможет воевать? Что даст им надежду?

Вербовка ее не касалась. Ею занимались Саба, Наоми и еще какие-то тайные вожди подполья, но не думать о ней Бобби не могла. Алекс задел больное место. И теперь оно зудело.

Закончив подсчет топлива, Бобби перешла к ящикам, отмеченным в списке как детали датчиков. Ее люди прихватили их, зная, что все ремонтные работы на «Предштурмовом» велись изнутри и на ходу. Запчасти ценились дорого.

В ящике лежала запечатанная керамическая коробка размером примерно с тостер, с семью портами подключения на боках. Бобби запустила со своего терминала поиск по серийному номеру. Это оказался управляющий узел активного сенсора – для обработки данных, поступающих с радаров и лидаров, первичного их анализа и связи сенсоров с главным компьютером – некое подобие заднего мозга. Система для поиска закономерностей с интеллектом голубя. На «Бурю» отправили новый – значит, старый был утрачен в бою за Сол. Так или иначе, это приятное известие. Все-таки громадному дредноуту тоже досталось в драке, и не все раны он сумел зарастить сам. Оно и понятно. Невиданные обшивки, реакторы, двигатели корабля могли регенерировать как живые, потому что основывались на технологии протомолекулы. Датчики и компьютеры на лаконских кораблях были сделаны людьми. Все, что сделано людьми, требовало ремонта или замены. Это одна из немногих слабостей гибридных кораблей.

А раз запчасть оказалась у нее, значит, в пакете датчиков «Бури», вероятно, имеется дыра. Если вычислить, где именно, они, возможно, сумеют подобраться вплотную к кораблю, оставшись незамеченными. Тогда можно было бы... выпустить одну ничего не меняющую торпеду, прежде чем здоровенный ублюдок, развернувшись, порвет их на атомы? Нарисовать на корме неприличную картинку? Нассать на него? Бобби обиделась тогда на шуточку Джиллиан в адрес моральных побед, но признавала ее правоту.

Вернув узел в упаковку, Бобби четко пометила коробку – оставить у себя. За час она закончила перебирать ящики с запчастями и решила оставить все. Ее терминал играл в трехмерную игру «уложи добычу». Стоило ей пометить для себя очередной ящик, программа принималась тасовать содержимое трюмов «Предштурмового», освобождая место. Еще немного, и придется размещать груз в каютах и коридорах.

Она вскрыла ящик с протеиновыми вкусовыми добавками для кухонного автомата и отметила как «Сбыть». Начала уже закрывать, вздохнула и изменила метку на «Оставить». Терминал снова принялся тасовать пространство. Давно было замечено, что голодный солдат – не солдат и людям, рискующим жизнью, не повредит время от времени съесть что-нибудь вкусное.

Однако сам факт, что «Буря» идет на них, заслуживал внимания. Приятно сознавать, что ужалил врага достаточно больно, чтобы тот решил тебя прихлопнуть. Может, дело просто в гордости. Адмирал Трехо рассердился, что в его системе дерзнули появиться пираты. Или тот комиссар был близок к кому-нибудь из штабных, и все обернулось личной вендеттой. Или им действительно позарез нужны вкусовые добавки. Неважно, почему налет всполошил лаконцев, главное – можно было надеяться, что те сейчас дергаются не меньше Бобби.

Она дошла до конца своего ряда ящиков – половина работы сделана. Еще несколько часов покопаться в коробках и можно выбраться в один из портовых баров, смыть тревоги выпивкой. Или, по крайней мере, перегнать их в тошноту и похмелье. И, пожалуй, съесть бифштекс. Она решила, что Саба и сопротивление могут оплатить ей кусок мяса. От этой мысли в животе заурчало. Может, на сегодня хватит, закончит завтра?

Маленькая горка противоударных упаковок была сложена в стороне от главных рядов. На них красовались предупреждающие надписи, потому ее команда разместила эту часть добычи подальше от остального. Ладно. Она разберется с этим опасным бараклом, и тогда на сегодня хватит.

Верхней в пирамиде была коробка с предупреждением о едких химикатах, а внутри оказались спреи с растворителем жиров. Не слишком большая угроза жизни и здоровью. Бобби

переложила коробку к обычным. На следующей была надпись «Взрывчатые вещества!», а внутри – заряды для ракетниц к лаконской силовой броне. Эту она пометила: «Обязательно оставить».

Дальше лежал большой металлический ящик. Этикетка: «Магнитный контейнер, опасность взрыва». Странное дело, эти слова не складывались у нее в осмысленное целое. Проверив серийный номер терминалом, Бобби получила ответ: «Номер не найден».

Все любопытственнее и любопытственнее.

Не обнаружив на ящике обозначений, что вскрытие может представлять опасность, Бобби отперла замки и откинула крышку. Внутри в пенной прослойке, годной, чтобы уберечь от перегрузок высокого ускорения яйцо малиновки, лежали четыре металлических шарика величиной в два кулака Бобби каждый. Они присоединялись проводами к массивному источнику питания, который басовито гудел, выдавая высокое напряжение. Индикатор на источнике показывал 83 процента зарядки. На каждом шаре у точки подсоединения провода имелся собственный индикатор. Эти все показывали сто процентов.

Бобби очень осторожно отвела руки и отступила на шаг. Выглядело все это вполне безопасно. Просто четыре больших металлических шара и мощная батарейка. Но все волосы у нее на теле встали дыбом. Еще немного, и она со всех ног бросилась бы бежать.

Опустившись рядом с ящиком на колени, Бобби с большой опаской, остерегаясь разорвать соединения с батареей, вынула из гнезда один шар. Теперь пенная упаковка не скрывала надписи на нем. «Следите за зарядом магнитного контейнера – опасность взрыва!» – гласила она. И еще одно предупреждение, помельче: «Внутренний источник питания использовать не более двадцати минут!» Все ярлыки лаконского директората по науке. Не военное учреждение – если забыть, что у лаконцев военным было все. Во всяком случае, это не обычные артиллерийские боеприпасы. Ничего знакомого.

Бобби вернула шар в пенистое гнездо. И села на пятки. В этих шариках, если снять магнитную оболочку, что-то взрывается. Так работает термоядерный реактор. Магнитная ловушка удерживает реакцию на весу, поскольку ни один материал не устоит перед таким выбросом тепла. Термоядерный реактор – огромная установка. Он требует тяжелых дополнительных механизмов: для подачи топливных элементов, для их сжатия и запуска реакции, для преобразования энергии в электричество. Лаконцы далеко шагнули в области техники, и все же трудно поверить, что им удалось создать термоядерный реактор размером с грейпфрут. К тому же эти штуковины потребляют энергию, а не вырабатывают.

Достав терминал, Бобби вызвала Рини Клодин, ветерана АВП на «Предштурмовом». В аспирантуре Церерского политехнического, где изучала физику высоких энергий, Рини связалась с радикалами и провела два десятка лет в тюрьме ООН, после чего помогала группе Вольтера изготавливать бомбы. Теперь на «Предштурмовом» она работала старшим механиком и главным специалистом по всяческой технике.

– Босс? – Рини отозвалась не сразу. И, судя по голосу, либо спала, либо была пьяна.

– Не вовремя вызываю?

– Теперь можешь идти, – проговорила Рини, но звук донесся приглушенно, будто она прикрыла микрофон ладонью. И через минуту: – Что там?

– У меня забавный вопрос, но если ты не одна... – начала Бобби.

– Он ушел. Довольно симпатичный, но в посткоитальных разговорах не силен. Что случилось?

– Я перебирала взятую на грузовике добычу, – объяснила Бобби, – и наткнулась на ящик с чем-то непонятным. Подумала, вдруг ты поможешь.

– Ты в том складе на поверхности? Дай, натяну на себя что-нибудь и подойду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.